

ЛАРИСА РАЙТ

плач
льва

Лариса Райт

Плач льва

«ЭКСМО»

2012

Райт Л.

Плач льва / Л. Райт — «Эксмо», 2012

ISBN 978-5-699-53830-0

Артем, Женя, Юля... Герои этой книги – «люди с прошлым», каждый из них пережил крушение: предательство любимых, смерть близких. Порой горе захлестывало их, казалось, что хуже не может быть, жизнь кончена, они на самом дне пропасти. Но нет пропасти без дна. Они оказались сильными – смогли найти ту самую соломинку, уцепившись за которую выкарабкались из черной воронки отчаяния. Все трое остро понимают: жизнь, которую тебе дали второй раз, невозможно растратить по пустякам, расточительно пропустить сквозь пальцы.

ISBN 978-5-699-53830-0

© Райт Л., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

1	5
2	7
3	10
4	13
5	17
6	21
7	25
8	31
9	34
10	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Лариса Райт

Плач льва

*Какая нищета ума сказать,
что животные – машины, лишённые
понимания и чувств.*

Вольтер

*Быть счастливым —
значит не наслаждаться,
а не страдать.*

Дж. Аддисон

1

Волны бывают разными: маленькими, большими, огромными. Одни похожи на миролюбивых, безобидных овечек, монотонно наплывающих кудрявой пеной на кромку берега. Другие напоминают идущее в атаку войско, раздраженное скучнейшей безмятежностью пейзажа. Третьи будто призваны неизвестной дьявольской силой исключительно для того, чтобы изменить этот пейзаж до неузнаваемости. Обыватели называют волну обычным валом, что образуется на поверхности колеблющейся жидкости. Почитатели естественных наук воспринимают ее как одну из разновидностей форм переноса энергии. Романтики считают ее морским настроением. Женя была согласна со всеми и могла поспорить с каждым. Волна не способна стать обычным словарным определением, хотя и является таковым. Она не должна выполнять функции, понятные физикам, хотя и несет свою службу добросовестно и непрерывно. Волна – вовсе не отражение изменчивого нрава водной стихии. Волна – это целый мир, способный творить и разрушать, покорять и покоряться, дарить жизнь и посылать смерть.

Женя считала каждую волну особенной. Эту она ждала три года и встретила тогда, когда наконец перестала искать. Ей нужна была именно такая: страшная, но дружелюбная; захватывающая дух, но позволяющая набрать полную грудь дурманящей океанской свежести; неприступная, величавая, но способная склонить голову. Сколько волн сильных и смелых уже перепробовала Женя на прочность! Вернее, это волны испытывали ее: сталкивали с доски, кружили в водовороте, прижимали удушливой массой ко дну, царапали и били о камни, выкидывали на берег, как жалкую, ничем не примечательную щепку, и заставляли ждать, ждать, ждать. И она ждала, и пыталась найти, и высматривала и во вьетнамском Вунг Тау, что близ Сайгона, и во французском Оссегоре – столице европейского серфинга, и в доминиканской «La Preciosa»¹, а обнаружила здесь: на Золотом берегу в Австралии.

Ничто не предвещало этой бесценной находки. Не было ни привычного волнения, ни беспокойства, ни даже надежды. Женя просто механически, отработанными движениями сделала то, что делает каждый, кто хоть раз пробовал победить волну. Она всмотрелась в темно-синюю даль, ощутив все же мимолетный приступ паники где-то под ложечкой. Конечно, здесь серфистов стараются оградить от неприятностей. Последний случай нападения касатки на спортсмена произошел, кажется, лет сорок назад. И все же лучше удостовериться в отсутствии непрошенных гостей. Женя внимательно взгляделась в океанскую бесконечность и, не заметив ничего, кроме неба, солнца, лазури и Майка, уже скользящего на своем серфе к берегу, опустила доску в прохладную воду, легла на нее и, отталкиваясь широкими, уверенными гребками, поплыла

¹ Школа серфинга в Доминиканской Республике.

на глубину. Раньше в такие моменты девушка всегда чувствовала себя охотником, вышедшим навстречу добыче. Дичь ускользала и насмехалась над ней, но это лишь подстегивало Женин азарт, заставляло непрерывно следить за метеосводками, тщательнее выбирать территорию «гона» и думать только о равновесии, не позволяя другим мыслям испортить настрой. Но сегодня она как никогда далека от своей несбыточной мечты о волне. Женя вспоминала о гораздо более важном приобретении, которое обнаружила утром в ванной. Она хотела сразу же рассказать Майку, но он опередил ее:

– Пойдем покатаемся!

– Пойдем, – она откликнулась, не раздумывая, интуитивно чувствуя, что, скажи ему сейчас, и серфинг придется отложить на долгий срок.

Откладывать пока не хотелось. И вот теперь она прижималась животом к скользкой доске, опускала гибкие кисти в воду, шурилась от солнца и улыбалась новым, незнакомым, полностью захватившим ее ощущениям. Женя видела зарождающуюся вдали волну. Взгляд у девушки был мимолетный, не сфокусированный, не заостренный. Она пока не понимала, что это та самая, долгожданная, единственная. Та волна, встречи с которой она так долго искала. Женя не понимала, потому что ничто не намекало на приближение этой минуты, ничто не говорило об опьяняющем чувстве восторга, возбуждения, эйфории и победы над собой, что захватит ее через какие-то мгновения. Интуиция молчала об этих надвигающихся тяжелой массой секундах так же, как скрывала она и грядущую неотвратимо беду.

– Евгения Николаевна! – В дверь просовывается голова Шурочки. Обеспокоенный голос девушки возвращает Женю в настоящее:

– Да?

– Там рыбу привезли, а половина, кажется, уже испорчена.

– Так не принимайте!

– Я хотела завернуть, а водитель говорит: «Акты подписаны, ничего не знаю».

– А ты что же, сначала подписала, а потом проверила?

– Да я как-то... – Лицо и шея девушки покрываются красными пятнами.

– Ладно, пойдем, разберемся. – Женя выходит из кабинета и решительно направляется на улицу. Шура семенит за ней, спрашивает огорченно:

– А если не заберет, Евгения Николаевна, то тогда беда?

Женя останавливается, оборачивается, пристально смотрит на девушку, качает головой и медленно, как-то уж слишком горько произносит:

– Нет, Шура, нет. Какая же это беда?

2

Постоянно счастливыми могут быть только дураки. Эта отнюдь не глупая мысль была совсем не чужда Юленьке Севастьяновой, и сейчас казалась ей даже мудрее, чем прежде, ибо ощущала она себя той самой перманентно счастливой дуручкой, о которой, видимо, и идет речь в этом утверждении. Юленька молода, весьма миловидна и доброжелательна. Ее можно назвать умной, если бы не одно изрядно мешающее этому обстоятельство: Юленька влюблена. Можно ли именовать всех влюбленных глупыми? Почему бы и нет? Любовь, как известно, слепа и, не прилагая никаких усилий, плотно прикрывает веки своим пленникам, зачастую не позволяя разглядеть в бурлящем котле пламенных чувств и эмоций те очевидные вещи, что могли бы если не потушить пожар, то, по крайней мере, слегка остудить кипение страстей. Так, охваченные чувством люди почтенно называют явную скупость своего спутника полезной бережливостью, а расточительность гордо именуют щедростью природы и широтой души. Радикальные взгляды, агрессивность и частое цитирование в компаниях произведений Гитлера они легко объясняют завидным патриотизмом, а постоянное ношение кипы – исключительно следованием древним традициям древнего народа, а не стремлением скрыть от чужих глаз наметившуюся лысину. Блуд они выдают за любвеобильность, упрямство – за твердость характера; трепачей ласково называют выдумщиками, а трусов – осторожными. Любовь не подвластна логике, она существует по своим, только ей ведомым законам, неизвестно для чего превращая лучшие умы человечества в безнадежных глупцов.

Юленька была не глупее многих, и история ее со стороны казалась скорее обыденной, чем странной, и удивления не вызвала. Что может быть естественней студентки третьего курса – двадцатилетней, едва распустившейся свежести, – влюбленной в своего еще совсем не старого, а для профессора даже и молодого, преподавателя? Заурядным в этом романе было все: и робкие взгляды на лекциях из-под дрожащих ресниц, и тайная переписка, и поцелуи, утопающие в запахе попкорна и звуках «Dolby surround», и признания с обещаниями, и пустующие квартиры подруг, и обнаружившаяся (конечно же, внезапно и неожиданно) несвобода профессора. Незаурядным, необычным и удивительным оказалось другое: Юлькино легкое отношение к данному факту. Она не чувствовала себя ни уязвленной, ни ущемленной, ни оскорбленной – только счастливой. Ощущение бесконечного полета не покидало ее ни на секунду, и даже наличие жены у любовника сумела она превратить для себя в еще один повод для радости.

– Я, честно говоря, даже подумывала, что должно быть в нем что-то странное, – говорила она подругам. – Ведь это же противоестественно для сорокалетнего мужчины – быть одиноким. А теперь я наконец успокоилась. Слава богу, с ним все в порядке!

– Дура ты, Юль!

– А вот и нет.

Юленька не считала себя ни обделенной интеллектом, ни наивной, ни витающей в облаках, и мнение это было совершенно не предвзятым. Школьная золотая медаль, свидетельство об окончании с отличием школы музыкальной, многочисленные кубки и грамоты, полученные за победы в соревнованиях по художественной гимнастике, милые акварели, которыми друзья и их родители не стеснялись украшать стены своих домов, – все это позволяло Юленьке мнить себя если и не выдающейся личностью, то человеком весьма одаренным. И среди прочих ее талантов способность любить занимала особое место. Юленька любила искренне, бескорыстно и как-то одномоментно. Не было в ней склонности к построению воздушных замков, розовым мечтам и разговорам с подушкой. Не было прежде, нет теперь, не будет и в дальнейшем. Это пустое времяпрепровождение, возможно, кому-то может облегчить душу, кого-то заставляет поверить в грядущие перемены к лучшему, Юленьке же оно проку бы не принесло. На душе у нее и без того не скребли никакие кошки, а вера в светлое будущее у хронической

отличницы всегда оставалась непоколебимой. Именно поэтому известие об узах, связывающих профессора, не восприняла она ни как досадное недоразумение, ни тем более как трагедию. Юленька упивалась своим счастьем, и ничто не могло его омрачить. Особенно теперь, когда это счастье вдруг начало переливаться через край и оказалось таким многогранным, живым, полноценным.

– Есть одно местечко на завтра, а послезавтра вся вторая половина дня свободна, – тускло объявляет ей врач, равнодушно бросая инструмент в контейнер.

– Зачем? – не понимает Юленька. Тоненькие ниточки бровей изгибаются и взлетают, пока их обладательница спрыгивает с кресла.

– Ты аборт делать собираешься или нет?

– Нет! – Девушка не скрывает возмущения.

Врач ничего не отвечает, смотрит на пациентку не то одобрительно, не то сочувствующе, но Юленьке почему-то кажется, что взгляд этот выражает пресловутое: «Дура ты, Юль!»

– А вот и нет, – бурчит она себе под нос, одеваясь за ширмой.

В начале двадцать первого века Юленька еще слишком юна для того, чтобы до конца понимать, что в советское время означало слово «пятилетка» и насколько масштабным было утверждение пятилетнего плана огромной страны и его последующее воплощение в жизнь. При этом ее личные планы, как ни странно, тоже составлялись именно на этот срок, но образовывались быстро и утверждались в едином порыве без обсуждений и голосований. Лозунг «выполним и перевыполним» Юленьке был незнаком. Она требовала от себя простого осуществления намеченного, но задумывала всегда по максимуму. Роль Снегурочки на утреннике в детском саду, затем должность редактора школьной газеты и председателя отряда в летнем лагере никогда не являлись глобальными целями, а всего лишь средствами в достижении основного, загаданного на очередные пять лет. Каждый раз, записывая на листе бумаги достижения, которых предстояло добиться, Юленька думала о том, насколько теперь ее желания отличаются от тех, что переполняли ее всего лишь несколько лет назад. Она бы удивилась, если бы любой маломальски соображающий человек, взглянув на список ее притязаний, сказал, что за всеми этими бесконечными «получить, победить, выиграть, добиться, узнать и окончить» стоит постоянная, настойчивая необходимость быть самой-самой. Оттого ли, что Юленька наделена множеством талантов или, может, оттого, что цели ставила большие, но не великие, добилась она к двадцати годам именно того, чего хотела. Она мечтала играть на фортепиано, развить свой художественный вкус, научившись прилично рисовать, стать первой на областных соревнованиях по гимнастике и получить медаль, которая даст преимущества, необходимые для девочки из приличной, но не слишком обеспеченной и к тому же не московской семьи, при поступлении в вуз. Ей не нужна слава Рихтера, Глазунова или Алины Кабаевой, поэтому по окончании школы на дежурном листке планирования появились всего три короткие записи: красный диплом, семья, работа. Очередность значения не имела. Сообщение врача означало для Юленьки только одно: семьей она обзаведется чуть раньше, чем работой, и только. В свои цветущие двадцать лет она нисколько не сомневалась в том, что миром правит исключительно любовь, и верила в то, что маленькая жизнь, зародившаяся внутри, есть не что иное, как одно из весьма эффективных средств управления планетой. «Ребенок – это награда, ребенок – это радость, ребенок – это удовольствие, благодать, праздник» – так думала Юленька, летая по улицам Москвы с блаженной улыбкой.

– Ребенок – это, знаешь ли, ответственность, – услышала она, притормозив возле профессора.

– А ты боишься ответственности? – Девушка скорее подначивает, чем беспокоится всерьез.

– Конечно, нет! – Мужчина слишком горяч и поспешен. – Просто, видишь ли, дело такое не простое. Тут надо подумать.

– О чем? – Юленька недоумевает. Она не верит своему секундному предположению, но все же спрашивает: – Ты что, не хочешь ребенка?

– Естественно, хочу! – Восклицание получается особенно быстрым. Профессор старательно отводит глаза в сторону, но говорит обиженно, с укором, старается пристыдить: – Дура ты, Юль!

– Дура, – с облегчением соглашается Юленька, уткнувшись в гладко выбритую, пахнущую дорогим, конечно же, купленным женой парфюмом щеку. – Дура, – повторяет она с придыханием, прижимаясь к мужчине сильнее, словно старается раздавить настойчивый внутренний голос, тревожно повторяющий разумное, как никогда: «А вот и нет!»

3

– Нет, нет, нет, даже не думай! Не гляди на меня так – не разжалобишь! Спускайся! – Артем смотрит вверх, где упрямая Марта, надменно отвернувшись, не собирается не только слушаться его, но категорически отказывается удостоить хотя бы взглядом. Марте тринадцать. Она уже не маленькая и не желает подчиняться. Артем, однако, сдаваться не собирается:

– Марта! Ну давай же, девочка! Семь этажей – это не так уж и много.

Марта и не думает шевелиться.

– Ну как тебе не стыдно! – Артем пытается ее разжалобить. – Я на работу опоздаю. Каждый день одно и то же: пятнадцать минут на уговоры трачу. Знаешь же, что все равно будет по-моему.

Марта и ухом не ведет. Притворяется, что не слышит, а на самом деле красноречиво демонстрирует, что ничего она не знает и знать не желает, а хочет лишь одного: прокатиться на лифте.

– Мартушка, – Артем даже делает несколько шагов вверх, – я бы и сам с удовольствием воспользовался этим замечательным средством перемещения в пространстве, но врач сказал: как можно больше двигаться, а врачей надо слушаться.

Уговоры не действуют. Марта по-прежнему настаивает на том, что в столь почтенном возрасте собакам не пристало прыгать по лестнице целых двенадцать пролетов.

– Мы не будем торопиться, – мужчина уже стоит рядом с упрямецой, – на четвертом постоим, отдохнем, если захочешь. – Это обычная уловка. Артем прекрасно знает, что, как только собака начнет спускаться, медленными и неспешными будут лишь первые шаги, а потом она помчится вперед так, что хозяин едва успеет за ней.

Овчарка наконец оборачивается и смотрит вызывающе, словно спрашивает: значит, не поедем?

– Нет, – мотает головой Артем, пристегивая поводок к ошейнику и дергая за него. Неповоротливые и очень недовольные тридцать пять килограммов сдвигаются с места и как ни в чем не бывало трусят вниз, набирая скорость с каждой новой ступенькой.

– Стой, Марта! Не так быстро, – Артему снова и снова приходится дергать за поводок, – я же тоже не мальчик!

Собака на окрики не обращает никакого внимания, останавливается лишь у закрытой двери подъезда. Ждет хозяина, в нетерпении виляет хвостом, смотрит на запыхавшегося мужчину лукаво, будто хочет сказать ехидное «так тебе и надо».

– Вредина! – Артем показывает овчарке язык и, ласково потрепав ее за ухом, выпускает из подъезда.

Марта тут же трусит к машине, садится у задней двери и, склонив набок голову, вопросительно смотрит на хозяина.

– Нет, Марта, нет. Ты же знаешь, уже давно «нет», а продолжаешь просить. Пойдем! – Мужчина отстегивает поводок и кивком головы приглашает собаку следовать за ним. Она неохотно подчиняется, трусит рядом с Артемом, то и дело останавливаясь и с тоской оборачиваясь к машине.

Артем перестал брать Марту с собой на работу два года назад. Наступающая старость тогда, конечно, еще не подкосила овчарку так, как это случается с другими собаками в одиннадцатилетнем возрасте, но все же давала о себе знать. Мирный и дружелюбный характер начал портиться, и если людям по-прежнему опасаться было нечего, то задиристые и своенравные собаки могли пострадать. Артем, несомненно, никогда не позволил бы ситуации выйти из-под контроля. Он всегда умел безошибочно определить то роковое мгновение, после которого будет невозможно предотвратить схватку. Он бы никогда не пропустил ту секунду, в которую

потребовалось бы остановить Марту и не допустить кровопролития, но Артем ходил на работу не для того, чтобы тратить время на наблюдение за своей собакой и ее усмирение. Он должен дрессировать других. Ревнивая агрессия Марты сбивала и его самого, и его подопечных, поэтому пришлось Артему перевести свою собаку на домашний режим, и хотя она по-прежнему пыталась протестовать, он, памятуя об обязательствах, вынужден был оставаться непреклонным к ее молчаливым мольбам. Конечно, не слишком сведущие в дрессуре друзья неоднократно удивлялись его решению, недоумевали, почему умной и прекрасно обученной собаке отказано в многолетнем удовольствии присутствовать на тренировках. Все они знали Марту исключительно с лучшей стороны и были уверены в том, что овчарка, получившая команду «сидеть», не двинется с места ни при каких обстоятельствах. Друзья Артема – люди образованные, эрудированные, интересующиеся, и в животных разбирались неплохо благодаря многолетнему общению с ним. Но дрессировщиками они не были, а Артем Порошин был, и поэтому считал аксиомой фразу: «Никогда не говори никогда».

Практика давно доказала ему, что поведение животных мало чем отличается от повадок двуногих особей. Если человек каждый день выполняет какое-то действие с удовольствием, это вовсе не означает, что через какое-то время он не захочет изменить своим привычкам. Так как же можно не опасаться того, что собака в один прекрасный день также решит поступить по-другому? Опытные психологи, легко проникающие в сознание пациентов, а на самом деле с блеском исследующие самый прозрачный из человеческих органов, именуемый душой, все равно не могут со стопроцентной точностью предсказать поведение каждого индивидуума в конкретной ситуации. Можно предугадывать один, а получить другой, совершенно противоположный результат, и потом долго выстраивать и искать причинно-следственные связи, в конечном итоге спровоцировавшие данный поступок. Если от человека нельзя ожидать схематичного, подчиняющегося определенным законам и рамкам поведения, то и от животных невозможно требовать того же. Многолетнее отсутствие реакции на раздражители вовсе не означает того, что эта реакция будет отсутствовать вечно. И если зрителям на площадке лежащая в стороне овчарка, спокойно наблюдающая, как ее хозяин терпеливо обучает юного кане корсо команде «Рядом!», казалась совершенно безобидной, то от внимания Артема не могли ускользнуть ни обманчивое равнодушие, будто специально нарисованное на морде, ни настоятельно шевелящиеся уши, ни замерший на земле хвост. Все эти детали вместе и каждая в отдельности кричали дрессировщику об одном: никогда не вступавшая в бой Марта готова в любую секунду изменить своим привычкам, чтобы показать всем этим четверолапым невеждам, кому на самом деле принадлежат этот прыгающий вокруг них человек и то лакомство, которое он постоянно достает из карманов.

Конечно, Артем мог бы посадить Марту на привязь, и тогда никакая агрессия не позволила бы ей достать «обидчика», но гарантировать, что не до конца обученный молодой и наглый щенок сможет отказать себе в удовольствии ответить на выпад овчарки, дрессировщик не мог. Приходилось опасаться и за безопасность Марты, и за собственное здоровье. Вошедшие в раж бойцовые собаки ничего не видят и не слышат, не чувствуют боли и кусают все, что попадется на зуб, будь это горло противника или рука хозяина, который пытается рзнять дерущихся.

Кроме того, посаженная на привязь овчарка лишилась бы свободы передвижения, и если лежание на зеленой травке весной и летом могло оказаться даже полезным, то холодные лужи и промерзшая земля вряд ли оказали бы хорошее воздействие на организм стареющей собаки. Таким образом, непростое решение было единственно правильным. Марту посадили под домашний арест, а практически постоянное пребывание на свежем воздухе заменили двумя часовыми прогулками утром и вечером. И, несмотря на то, что произошло все это два года назад, собака до сих пор не привыкла. Продолжала не понимать, обижаться и не желала принимать изменений. Да и вести себя стала по-другому, словно решила доказать, что, раз ее

сочли старой, она будет соответствовать этому образу: Марта перестала играть, не желала подниматься с места, когда Артем приходил с работы, неохотно реагировала на любимую раньше команду «апорт» и за палочкой все больше ходила, а не бегала. Малоподвижный образ жизни не мог не дать о себе знать: собака начала набирать лишний вес, конечности быстро затекали, мышцы слабели, сердечко пошаливало.

– Старайтесь больше ходить, – посоветовал ветеринар.

И Артем старался: тербил собаку, подгонял ее, заставлял бегать за мячиком, играл с ней в салочки, принуждал спускаться и подниматься по лестнице. Марта сопротивлялась каждый раз, но Артем ни разу не позволил себе уступить, ни разу не дал слабину. И знал, что не даст никогда. Здесь сакраментальное «никогда не говори никогда» не работало. Он должен спасти Марту, и он спасал. Спасал, потому что обязан расплачиваться до последнего, обязан спасти ее так же, как десять лет назад эта овчарка спасла его.

4

Рыба, конечно, оказалась несвежей. Но водитель торжествующе размахивает подписанными актами и не желает дискутировать о совести и благородстве. Только обещание совершенно измотанной Жени позвонить в СЭС и пригласить инспектора принять участие в разбирательстве заставило его утихомириться и отправиться-таки восвояси с некачественным товаром.

– Людям, понимаешь, продаем, и ничего, а рыба, видите ли, жрать не будет! – раздраженно выкрикивает он, захлопывая дверь кабины.

– Да где ты у нас рыбу-то нашел? – со слезами в голосе вопит Шурочка вслед отъезжающему грузовику.

Женя брезгливо морщится. Она не выносит пустой ругани и фамильярности. Конечно, нечистоплотный водила до Лотмана не дотягивает, но он годится возмущенной Шурочке в отцы, поэтому тыкать ему девушка права не имеет. Кроме того, брошенные в пустоту экспрессия и негодование просто рассыпались на мелкие кусочки, ни один из которых не достиг цели. Если человек к пятидесяти годам пребывает в уверенности, что дельфины, моржи и тюлени являются разновидностью рыб, нет никакой необходимости его в этом разубеждать.

– Не кричи, Шура! Только воздух сотрясаешь!

Шурочка испуганно замолкает, наверняка думает о том, что директор злится из-за подписанных актов, поэтому и придирается. У Жени нет никакого желания продолжать разговор. Она возвращается в дельфинарий, медленно бредет вдоль загонов, и лишь остановившись у клетки своей любимицы Сары, огорченно спрашивает у моржихи:

– Разве я придираюсь?

– Ты придираешься! – весело кричала двенадцатилетняя Женька отцу. – Я же еду. Еду, смотри!

– Смотрю. И как ты думаешь, что я вижу?

– Меня.

– Если бы... Я вижу какую-то скрючившуюся каракатицу, которая шатается, качается и дрожит, и упадет, кстати, на первой же кочке.

Словно в подтверждение его слов, скейт слегка подпрыгнул на случайном камушке, и не успевшая ойкнуть девочка уже сидела на асфальте, озадаченно разглядывая расцарапанный локоть и разодранную до крови коленку.

– Как ты? Не ушиблась? Дай посмотрю! Эх, Женя, Женя, Женюля... Каждый раз одно и то же. Не слушаешь меня – и вот, пожалуйста.

– Я слушаю, – Женька, поморщившись, поднялась.

– Что-то не похоже, – отец озадаченно смотрел на дочь.

– Нет, пап, слушаю. Просто у меня не получается.

– Ладно, – папа снова поставил перед ней доску, взял Женю за руку, – давай еще раз. Ставь ногу. Да не эту, Женечка, левую. Да. Вот так. А правой отталкивайся, сильнее, еще сильнее, – он уже бежит рядом со скейтом, – разверни корпус, спина прямая, балансируй, держи равновесие, вытяни руки. Нет, Женя, не вперед, по сторонам. Так. Теперь правее. Правее, говорю. Дави пятками назад, отклоняйся. Слишком сильно, Женя! Что ты делаешь?!

Женька не знала, что она делает не так: то ли давит слишком сильно, то ли наклоняется чрезмерно, то ли отвлекается на пробегающую мимо симпатичную дворнягу, которую она вчера тайком подкормила сосиской, то ли неожиданно вспоминает о том, что договаривалась с девчонками сыграть в вышибалы. В общем, происходило это все одновременно или попеременно, сказать трудно. Очевидно только одно: доска каким-то неведомым образом снова ускользнула из-под ног, а сама скейтбордистка, все еще крепко держащая руку отца, кубарем

полетела в траву, увлекая его за собой. Через мгновение расстроенный мужчина пытался расправить безнадежно испорченные зеленые светлые брюки, не переставая гладить по голове отчаянно ревущую дочь:

– Ничего, Женечка, ничего. Ну, не получится – и не получится. Не всем же дано.

Слезы высохли мгновенно. Девочка вскочила, решительно вытерла мокрый нос, оставляя на щеках грязные разводы, и тихо, но твердо, о чем свидетельствовали и горящие глаза, и вздернутый нос, и горделивая осанка, и торжественное упрямство в голосе, произнесла:

– У меня получится!

Через неделю Женька каталась на скейтборде не хуже юного Стефана Эссона². Она так никогда и не узнала, были ли те слова отца случайными, или он специально решил поддразнить дочь, прекрасно зная ее амбициозный характер и желание в любом деле непременно оказаться впереди планеты всей. Подобным образом Женя уже преуспела во многом. Сомнения бабушки заставили ее научиться печь шоколадный торт, недоверие мамы – вызубрить дюжину стихотворений Пушкина, насмешки одноклассников – похудеть на два размера. Нет, Женька никому не завидовала и никому не старалась утереть нос, у нее никогда не возникало изначального маниакального желания приобрести какие-то умения или освоить что-либо лучше другого, чтобы задрать свой и без того немного вздернутый нос. Она достаточно легко могла отказаться от упорного стремления достичь того, что не получалось сразу, если окружающие не обращали внимания на эти попытки, но стоило кому-то произнести: «Брось! Все равно не получится», как девочка тут же с удвоенной энергией бросалась доказывать обратное. И не останавливалась до тех пор, пока результат ее усилий не начинал превосходить все ожидания сомневающихся. Не удалось Женьке преуспеть лишь на музыкальном поприще. Творческое начало вообще не являлось определяющим в ее личности. Девочка больше дружила с логикой, точным расчетом и математическими формулами. Но если живое воображение развивалось под воздействием книг, которые Женя глотала запоем; если некоторые способности к рисованию все же обнаружили после того, как преподаватель кружка, в который девочку записали за компанию с подружкой, поведал ученикам о значении пропорций, то песни и танцы оставались для Женьки миром практически неизведанным. Сколько ни пыталась она повторить понравившуюся мелодию – получалось в основном какое-то монотонное мычание. Сколько ни старалась воспроизвести плавные, уже женственные движения танцующих сверстниц – все поползновения оборачивались неуклюжими перемещениями в пространстве, сочувствующими взглядами, а бывало, и обидным, откровенным хохотом окружающих. Сколько ни билась девочка над струнами чудом выпрошенной у родителей гитары – единственным достижением оказался с трудом угадываемый в неуверенном брэнчании «Чижик-пыжик». Музыкальный слух и чувство ритма оставались неподвластными Жениной настойчивости до тех пор, пока...

– Пока с рыбой разбираюсь, Данилу, естественно, как ветром сдуло, – жалуется незаметно подошедшая Шурочка.

Женя мельком смотрит на часы: ничего удивительного, в девятом часу вечера в дельфинарии уже может не быть не только звукорежиссера представлений, но и ее самой. Постоянно контролировать работу тренеров и неусыпно следить за строгим соответствием количества желающих поплавать с дельфинами количеству проданных билетов Женя не собирается. Кушать хотят не только звери, но и их дрессировщики. Она это понимает и позволяет себе закрывать глаза на некоторые вольности персонала. Конечно, ей не мешало бы чаще демонстрировать характер. Проявляй она хотя бы иногда излишнюю строгость, Данила не позволил бы себе уйти, даже не предупредив и не продемонстрировав, какую запись смонтировал для нового номера с афалинами. Привык к тому, что директор не слишком доверяет своему

² Стефан Лиллис Эссон – чемпион мира по скейтборду.

музыкальному вкусу, часто полагается на его мнение, редко спорит, – вот и зазнался. Решил, наверное, что она в любом случае одобрит каждую его работу, поэтому тратить время на предварительную демонстрацию не имеет смысла. Нахал, конечно. Молодой и дерзкий. Придется поставить его на место.

– Пойдем в монтажную, – приглашает директор помощницу.

В беспорядочном царстве мелодий и звуков они с трудом находят диск с подписью «Новые афалины», еще какое-то время тратят на то, чтобы музыка наконец зазвучала из динамиков, с удовольствием слушают незатейливую аранжировку Штрауса, живо представляя вальсирующих в воде дельфинов.

– Хорошо получилось, – воодушевленно сообщает Шурочка.

– Хорошо, – соглашается Женя, – но я сделаю лучше.

Шурочка смотрит на начальницу так, будто та сошла с ума. Девушка изумлена и не скрывает этого:

– Вы??? Вы же не...

– Не умею? Умею.

Через два часа директор дельфинария кладет в коробочку с диском болванку с новой записью. Пришлось изрядно повозиться, прежде чем она сумела разобраться во всех многочисленных кнопках, выключателях, усилителях и переходниках аппаратной, но время не было потрачено впустую. Женя почти смеется, запирая дверь в вотчину звукорежиссера и представляя себе его лицо, когда завтра во время представления вместо увертюры к «Летучей мыши» неожиданно зазвучит «Жизнь артиста». За реакцию животных на смену аккомпанемента можно не волноваться: дельфины настроены на игру с человеком, на взаимодействие с тренером: они ждут не конкретного музыкального сопровождения, а следят за командами дрессировщика.

Женю больше беспокоила публика. Она привыкла уважать своего зрителя и заранее считала его искушенным и сведущим. Толкать ширпотреб в массы с безразличной уверенностью в том, что «все равно все проглотят», считала непростительным и никогда не позволяла себе закрыть глаза на то, в чем хотя бы один человек, по ее мнению, мог усмотреть недоработку и халатность. Конечно, она готова согласиться с тем, что практически любая мелодия младшего Штрауса идеальна для вальсирующих афалин с точки зрения соответствия мелодии и движений. Но Женя мыслила широко и всеобъемлюще. Если она с первых аккордов определила, какое именно произведение зазвучало, никак нельзя исключать того, что и люди в зале его узнают. Женя не была категорична, она умела закрывать глаза на какие-то вещи и оставлять без внимания принципиальные огрехи в работе своих подчиненных, но позволить им даже невольно сравнить кружащегося в воде дельфина с летучей мышью решительно не могла. Композиция, в названии которой речь идет об артистах, соответствовала случаю гораздо больше, нежели та, что прославляет ночную рукокрылую особь. Понимая это, Женя поступила так, как привыкла. Она поступила по-своему. Дело было сделано, миссия – выполнена. Директор не собиралась в дальнейшем вести разъяснительные беседы со звукорежиссером, доказывать свою позицию, ругать его или извиняться за то, что не предупредила об изменении аккомпанемента. Зачем? Ведь она уже добилась того, чего хотела: представление станет действительно безукоризненным, а Данила больше никогда не позволит себе уйти прежде, чем получит полное и окончательное одобрение своей работы руководством.

– Все. Я домой, – обращается Женя к склонившейся над бассейном Шурочке. – А ты дежуришь?

– Да.

– Ну ладно, счастливо, – Женя направляется к выходу.

– Евгения Николаевна!

– Да?

– Я хотела спросить...

«Понятно. Значит, смотрит не просто, а со значением. Вернее, с ожиданием», – про себя усмехается Женя.

– ...где вы научились?

– Чему?

– Ну, аранжировка, и все такое.

– Далеко, Шура, далеко.

– А как?

– Как? Да просто учителя хорошие были.

– Какие?

– Разные. Спокойной ночи.

Учитель был один. Майк. Майк, который доказал всем на свете и самой Жене, что с музыкальными способностями она простилась раньше времени. Майк, который терпеливо объяснял ей, чем постановка «Спящей красавицы» в Мариинке отличается от спектакля Датского королевского балета. Майк, который заставлял ее бесконечное количество раз прослушивать произведения до тех пор, пока она не называла безошибочно все инструменты, звучащие в оркестре. Майк, который ласково разминал ей кисти рук и нежно направлял непослушные пальцы к клавишам синтезатора. Майк, который открыл миру новую Женю и который с легкостью этот мир от нее закрыл. Майк, которого она совершенно не хотела вспоминать и о котором помнила каждое мгновение своей жизни.

5

Смерть никогда не казалась Юленьке частью земного существования. Эта страшная старуха с косою не могла быть благом и началом пути в какое-то иное измерение. Она олицетворяла собой тупик, конец, безысходность и пустоту. Уверенность в совершенной неоспоримости своих убеждений позволила девушке с чистой совестью пропустить очередную лекцию по «Библии и культуре». Нет, она ничего не имела против самого предмета. Знание истории религий необходимо каждому образованному человеку, но Юленька предпочла бы изучать предмет под руководством того, кто не обладает какими бы то ни было предпочтениями в этой области. Но лектор оказался не только историком, но и по совместительству протоиереем, поэтому все слова и события, о которых шла речь в Священном Писании, он преподносил исключительно с точки зрения православной церкви. Юленька с таким подходом была решительно не согласна. Ей всегда импонировала светскость протестантов, редчайшая покорность своему божеству иудеев, безмятежность буддистов, отсутствие представлений о первородном грехе у мусульман, милосердие христиан и уверенность Высоцкого в том, что «удобную религию придумали индусы». Она не желала ограничиваться определенным догматом, не хотела загонять себя в определенные рамки и предпочитала верить в то, что соответствовало ее представлениям об идеальном мире, а не в то, к чему призывали сторонники той или иной конфессии. Каждую из религий находила Юленька по-своему привлекательной и в каждой видела целый ряд недостатков, с которыми никогда не смогла бы примириться, поэтому, несмотря на ставшее весьма популярным в последнее время всеобщее обращение к церкви, предпочитала оставаться в стороне от религии. Однако свой протест не демонстрировала, старалась с уважением относиться к чувствам других людей, никогда не высказывалась нелестно об обычаях и традициях и о стремлениях верующих соблюдать определенные обряды. Таким образом, она считала возможным требовать и к себе соответствующего отношения. Она не хотела, чтобы ей навязывали свою точку зрения как единственно правильную, а именно этим и занимался на занятиях служитель православной церкви. Юленька прогуливала редко. Ей – прирожденной отличнице – всякий раз было стыдно за подобное поведение. Кроме того, в исписанном детском круглым почерком ежедневнике записей о намеченном пропуске не встречалось, а все, что так или иначе не соответствовало разработанному графику, вызывало у девушки беспокойство и недовольство собой. «Библия и культура» никогда не была любимым предметом в иерархии предпочтений Юленьки, но все же и эту дисциплину она старалась посещать аккуратно. Узнав же на прошлом занятии, что тема следующей лекции звучит как «Смерть – истинное благо», она заранее решила, что в ее положении слушать подобные трактовки не слишком полезно ни ей самой, ни будущему ребенку. Сейчас, когда девушка была самым воплощением жизни, ее сосудом, ее величайшим таинством, ей совершенно не хотелось ни внимать рассуждениям о смерти, ни тем более размышлять о ней. Юленька боялась, что изрядный запал оптимизма, которым был наполнен ее организм в последнее время, может пострадать от случайного, неосторожного слова, точного рассуждения или даже какой-нибудь невольной мысли, которую вызовет обсуждение бренности земного существования. Наверное, неистовое стремление оградить свой разум от каких-либо даже самых безобидных потрясений со стороны могло показаться чрезмерным и в какой-то степени нелепым, но Юленька окунулась в свою беременность с тем свойственным только ей пылом, с которым бросалась на штурм своих предыдущих устремлений. Правильное питание, режим, прогулки на свежем воздухе – все то небольшое, что могла она обеспечить для здорового роста будущего малыша, Юленька выполняла легко и совершенно непринужденно. Скорее она сама принуждала всех окружающих следовать своему обновленному расписанию и согласовывать общие планы с собственным графиком.

– В Музее кино сегодня Эйзенштейн, – важно сообщает Наташа – соседка по комнате, – надо бы сходить.

– А что именно? – В другое время Юленька бы даже не поинтересовалась. Наташа – авторитет. Наташа – это энциклопедические знания и высоко развитый интеллект. Наташа – это эрудированное мышление и потрясающий пример для подражания. Ее мнение неоспоримо и обсуждению не подлежит. Всегда, но не теперь.

– Кажется, «Старое и новое», а что? – Наташа недоуменно вскидывает брови. Название ленты, конечно же, не имеет никакого значения. Это же Эйзенштейн!

– А во сколько?

– В семь. Да что с тобой?

– Ничего. Знаешь, Наташ, в семь не могу.

– У тебя занятия, что ли?

– Что ли занятия.

В семь у Юленьки ужин: нежирный творожок с фруктами или легкие мюсли, или овсяная каша, – в общем, все то, что вряд ли можно найти в буфете Музея кино.

– Какие планы на выходные? – заглядывает в комнату третьекурсница, хохотушка с Украины Оксана. Она знает, что в Юлином лице всегда сможет найти себе компанию. По субботам и воскресеньям Юленька, конечно же, предоставлена самой себе. Порядочный профессор занят выполнением долга. Иногда девушка ездит домой в Тверь, но чаще остается в Москве. Москва – город больших возможностей, и возможности эти открываются тем, кто использует их на полную катушку. Время, свободное от занятий, тоже не должно пропадать впустую. С пользой необходимо проводить каждое мгновение. Выставки, галереи, вернисажи, спектакли, новинки кинопроката и бестселлеры книжных полок – все это не оставалось без внимания, а впитывалось с той неудержимой неразборчивостью, свойственной молодому, не замыленному тоннами ненужной информации мозгу, который настойчиво стремится обогатить свой фонд любыми новыми поступлениями, чтобы потом с восторгом делиться ощущениями, впечатлениями, соображениями.

– Васильева просто великолепна. Она – чудо! – сообщает Юленька профессору.

– Какая именно, солнышко? – Гений науки снисходительно улыбается, внимая безапелляционным суждениям юношеского максимализма.

– Как какая? Конечно, Вера! Я же тебе говорю: смотрели с Ксанкой «Воительницу» в «Сатире». Ты что, не слушаешь?

– Слушаю, милая. Так что там с «Воительницей»?

Но Юленька уже надула губки, отвернулась, цедит небрежно:

– Ничего.

– Ну, малыш, не обижайся, – уверенные руки собственнически сжимают хрупкие девичьи плечи. – Хочешь, еще раз вместе сходим?

Девушка выворачивается:

– Жену своди!

Юленьке не привыкать заполнять свой досуг в отсутствие профессора. Проблем с этим не возникало никогда. Не переводились ни интересные места, ни новые увлечения, ни желающие составить компанию. Желанием в последнее время не обладала сама Юленька.

– Так какие планы? – настойчиво требует ответа Оксана.

– Не знаю. А какие предложения? – Юленька выглядывает из-за кульмана. – Мне чертеж надо доделать – в понедельник сдавать, а потом я свободна.

– Да ладно, зачем прибедняешься? Тебе наверняка автомат поставят. У тебя же ни одного пропуска. Что-то тут нечисто.

– Оксана! – На чертеже мгновенно вырастает лишняя кривая. Свою личную жизнь Юля не афишировала, а потому любую, даже самую безобидную, шутку воспринимала в штыки.

Конечно, Оксана не могла знать об ее отношениях с профессором, но все же на мгновение Юле стало не по себе.

– Ну, извини, я не хотела. Значит, так, что мы имеем? Меню для ума очень даже разнообразное: передвижки в Доме художника, в «Современнике» – «Мурлин Мурло», в «Ленкоме» – «Юнона». Ты видела? Говорят, это фантастика.

– Я видела. Сходи с кем-нибудь другим. Сейчас билеты легко достать.

– Да я хотела с тобой провести время. Знаешь, еще в Политехе новая экспозиция. Не помню точно названия, но что-то с архитектурой связанное, так что нам прямо показано ее посетить.

– Угу... – Юля задумчиво смотрит на лист ватмана, не вникая в болтовню подруги.

– Для души тоже богатый выбор, – продолжает тараторить Оксана. – В «Алмазе» новая романтическая комедия с Камерон Диаз. Наши ходили. Вроде понравилась. Или, может, по магазинчикам? Мне родители денег прислали. Шикуюем?

– М-м-м...

– Для тела есть тоже варианты: в Graffit сегодня latinoамериканская вечеринка, а в «Б-2» – джаз. Пойдем?

– Там накурено, – неожиданно резко откликается Юленька.

– И? – Оксана не понимает. Раньше подругу это не смущало.

– И вообще, ты о планах спрашивала. Они у меня уже есть. Доделаю работу и пойду гулять.

– Куда? – подруга спрашивает кокетливо. Наверняка Юля придумала что-нибудь интересное.

– Здесь парк недалеко в нескольких трамвайных остановках, знаешь?

– Рядом с психушкой, что ли?

– Ага.

– Ну? – Оксана ждет продолжения.

– Что «ну»? Это все.

– Как все?

– А что еще может быть? Говорю же, пойду гулять. Пруд, скамеечки, тишина.

– Сумасшедшие неспешно прогуливаются.

– Не дури! Буйных за ограду не выпускают. Я хочу подышать свежим воздухом. И потом, знаешь, сейчас не время посещать все эти массовые мероприятия, места скопления народа.

– Почему?

– Грипп. А у школьников осенние каникулы.

– Не думала, что ты такая осторожная.

– Я тоже не думала.

Но Юленька осторожничает, перестраховывается во всем, старается защитить себя и от болезней, и от ненужных волнений, и от негативных эмоций. Лекция о пользе смерти тоже внесена в список нежелательных впечатлений. Конечно, знания по истории религии полезны любому человеку, претендующему на звание образованного, будь то студент философского факультета или будущий архитектор. С этим Юленька спорить не собирается, не в ее правилах критиковать утвержденные учебные планы и размышлять о пользе того или иного предмета, но в ее компетенции их немного подкорректировать в частном порядке. Что она и делает. Бредет по Рождественке в сторону метро, аккуратно вдыхая небезопасную сутолоку центра столицы. Она бы с удовольствием побродила по улицам, разглядывая и мысленно перестраивая дома старой Москвы, но у первого вагона в сторону «Планерной» ее уже ждут.

– Привет, – нежно улыбается Юленька и заходит в поезд, который понесет ее к незнакомой станции, на которой находится временная, по словам профессора, квартира, в которой Юленьке предстоит задержаться на долгие годы.

– По-моему, из общежития тебе лучше уехать уже сейчас. Пойдут кривотолки, – сказал он озабоченно на очередном свидании.

– Ты думаешь? – Юленьке этого в голову не приходило. – А мне кажется, нет ничего более естественного в моем возрасте, чем беременность.

– Как бы то ни было, тебе нужен комфорт, и я об этом позабочусь: сниму для тебя квартиру. Договорились?

– Договорились. – Конечно, девушка предпочла бы услышать, что квартиру он снимет не для нее, а для них двоих, точнее, почти троих, но пока она готова ходить по предложенным ей клеточкам игрового поля. А потом все изменится. Юленька с ее бескорыстной, неиспорченной верой в могущество любви не могла и представить, что может быть как-то иначе. Семья в ее планах обозначалась минимум трехчленом, и папа приходящий или отсутствующий в них не значился.

Исполнением договора стала малюсенькая однокомнатная квартира на окраине Москвы, которую профессор предложил с видом короля, осыпая своего подданного неисчислимыми благодеяниями.

– Здесь как-то... – не удержалась было Юленька.

– Как?

Юленька едва не сказала «тесно», но вовремя спохватилась, вспомнила: это же временно, ненадолго, а по сравнению с комнатухой в общежитии эта однушка – просто хоромы. «Какая же ты, Юлька, неблагодарная!» – искренне осудила она себя и привычно повисла на шее у профессора.

– Так я не понял, берете? – прервал сцену нежности агент. – Все, как просили: метро близко, сквер имеется.

– Берем, берем! – тут же откликнулась Юленька.

– От центра, конечно, далековато, – профессор привычно набивал себе очки.

– Ничего. Зато по прямой, – перебила Юленька. – И, ты знаешь, здесь ведь и платформа железнодорожная рядом. Можно теперь к родителям не с вокзала ездить.

– Ну, ладно, – согласился профессор так снисходительно, что Юленька моментально забыла о том, что минуту назад именно он расхваливал эту клетушку, убеждая Юленьку во всех мыслимых и немыслимых достоинствах жилища.

– Отлично, – воскликнул агент, достав бумаги. – Вы не пожалеете. Тем более что и хозяева здесь отличные: доставать не будут, с проверками не заглянут. Платите только исправно.

– Где расписаться? – деловито осведомился профессор, и риелтор услужливо протянул ручку. Мужчины пожали друг другу руки. За агентом закрылась дверь, на покосившейся тумбочке в прихожей остался лежать контракт на Юленькино будущее.

6

– Подпишите здесь и здесь. Все. Теперь можем начинать, – Артем откладывает документы.

– Хорошо, – с энтузиазмом кивает молоденькая блондинка. – Что надо делать?

– Вам? Пока ничего.

– То есть как?

– Так, – Артем пожимает плечами, продолжая как ни в чем не бывало натягивать спецодежду.

– Извольте объяснить! – кипит девушка. – Сначала вы, вместо того чтобы начать занятия, за которые вам, кстати, платят деньги, и весьма, надо сказать, неплохие, читаете мне лекции о каких-то нелепых правилах безопасности, потом заставляете подписывать какую-то ерунду...

– Это не ерунда! – буркает Артем. – Пойдем, Дзен, – дергает он за поводок восьмимесячного фила бразилейро, не обращая больше никакого внимания на раздраженные выкрики хозяйки собаки, что раздаются за его спиной.

Артем ужасно устал. Устал от человеческой глупости и недалёковидности. Устал от повсеместного отношения к животным как к развлечению, устал от того, что люди считают возможным лезть туда, куда не надо, и давать советы в тех областях, в которых не смыслят ровным счетом ничего. Интересно, что бы сказала эта цаца, если бы он попросил ее... То есть он бы, конечно, ни за что и никогда не стал ни о чем просить эту гражданку. Да и в чем она вообще может помочь? А, да ладно, например, может помочь приклеить накладные ногти. Зачем ему ногти? Да не нужны абсолютно. Просто в голову ничего не лезет, кроме этой ерунды. Так как бы она отреагировала, если бы он вздумал возмущаться теми многочисленными манипуляциями, которые, как он слышал, женщины вынуждены производить со своими собственными ногтями, прежде чем прилепить к ним искусственные? Наверняка попросила бы помолчать и не вмешиваться не в свое дело. И он бы понял, что нельзя соваться к профессионалу со своими советами.

К Артему обращались разные люди: банкиры, которым он никогда не рассказывал о том, как вести дела на фондовой бирже; актеры, которым не советовал посмотреть на роль с другой стороны; домохозяйки, с которыми не делился рецептом борща; учителя, которых не проверял на знание преподаваемой дисциплины, и многие другие люди, в рабочий процесс которых он себе вмешиваться не позволял. Зато, в отличие от него, мало кто из клиентов совершенно воздерживался от попыток принять участие в дрессуре, и совершенно точно, что ни один из них так и не понял, зачем так настойчиво тренер просит перед первой тренировкой подписать бумагу об отсутствии последующих претензий. Пускай не понимают, только бы подписывали. Конечно, прецедентов пока не было, но, как говорится, и на старуху бывает проруха, а рисковать Артему не хотелось. Люди заводят собак, совершенно не задумываясь о последствиях. Сколько раз доводилось ему наблюдать на птичьем рынке избитую сцену, когда вызывающий умиление комок приобретает практически мгновенно и забирается без лишних вопросов об особенностях породы, характерных чертах поведения, истинном предназначении собаки. Артем делил любителей друзей человека на три категории. К первой относились те, кто знает, зачем и какую собаку хочет купить. Вторые приобретают животное под давлением бесконечно ноющих детей, но, как правило, предварительно все же изучают литературу и консультируются со специалистами, чтобы, уступая просьбам ребенка, не попасть впросак. Ну, а третьи при покупке руководствуются принципом «просто понравился щенок», и этих Артем остерегался больше всего. Особенно таких, которым «просто понравился щенок» бойцовой породы. Эти люди не отдают себе отчета в том, кого берут в дом, и, приводя собаку на обучение, просят

«научить песика чему-нибудь». Артем уже привык ежедневно объяснять, что учить надо не чему-то абстрактному, а весьма конкретному. Но все же недоумение людей, их непонимание того, зачем он так настаивает, чтобы они подписали бумаги об отсутствии со своей стороны претензий к дрессировщику в случае, если когда-нибудь животное выйдет из-под контроля, каждый раз выводило Артема из себя. На процедуру снисходительной выдачи автографа под словом «заказчик» уходило обычно от пяти до пятнадцати минут. Все зависело от степени общительности клиента, или его желания досконально вникнуть в суть вопроса, или от количества безуспешных попыток отговорить занудного дрессировщика от затеи подписания какого-то договора.

– Какой контракт? – не раз слышал Артем удивленные возгласы. – Речь идет всего лишь о собаке.

– О вашей собаке, – всегда отвечал дрессировщик, как правило, располагая к себе людей этой фразой. Он знал, что, добавь он еще одно слово, которое, бесспорно, следовало добавить, – и от этого расположения не осталось бы и следа. Он и не говорил его, но всегда повторял про себя: «О вашей бойцовой собаке».

Сегодня процедура подписания соглашения сторон заняла совсем немного времени. Девушка выслушала Артема со скучающим лицом и поставила автограф, даже не взглянув на содержание документа. Она не только всем своим видом демонстрировала дрессировщику, что именно думает обо всех этих нелепых предосторожностях, но и осмелилась произнести это вслух. «Ерунда», – сказала она, и такого выпада Артем оставить без внимания не смог.

– Рядом, Дзен, рядом! – громко командует он, периодически дергая и без того короткий поводок. Он водит за собой по периметру площадки огромного пса, не забывая раздавать поощрения и не переставая возмущенно бурчать себе под нос.

Ерунда! Филадельфия для нее ерунда! Все для них ерунда. И бультерьер, и кане корсо, и доberman, и даже мастино. Так, игрушки забавные больших размеров. Можно подумать, скажи таким собакам: «Пойди сюда! Стой там!» – и все, дело в шляпе. Ты – хозяин, твоя воля – закон, послушание – невозможно. Чушь! Чушь собачья! Вот именно, что собачья. Чушь какая-то про собак, и больше ничего. Люди думают, что дрессированная собака – это робот, автоматически и беспрекословно выполняющий указания владельца. Они не понимают, что дрессура – это всего лишь умение договориться с животным. Причем собака не визирует контракт своей подписью и не платит неустойку в случае его неисполнения. Захочет иметь с тобой дело – будет слушаться, передумает договариваться – ни за что не заставишь. И откуда может Артем заранее знать, не решит ли однажды по совершенно неведомым причинам какой-нибудь бойцовый четырехлапый оболтус забыть обо всех достигнутых ранее соглашениях и попробовать остроту своих клыков не только на несчастных кошках, задиристых шавках или специальном костюме тренера, но и на теле собственных хозяев. Им это кажется ерундой? Что ж, хозяин, как говорится, барин. Только так кого угодно можно ерундой обозвать. Даже льва.

– Львы? Алексей Николаевич, это несерьезно. Это просто «Укротительница тигров» какая-то получается.

– Ну, не придумывай, – директор цирка недовольно нахмурился. – Ты все же потомственный дрессировщик. Можно сказать, профессионал своего дела, а не ассистентка мотогогонщика.

– И все же львы...

– А что львы? Те же кошки.

– Да я с кошками всю жизнь на «вы».

– Что же мне, тебе Куклачева из Москвы в учителя выписывать? Давай, Артем, не трави душу. Если не ты, то никто. Что мне прикажешь делать: Кузнецовых просить или Байарасовых? У одних голуби, у других мартышки. Нет, Тем, кроме тебя, других кандидатур нет. Или бери в нагрузку к пуделям львов, или будем хищников по зоопаркам распределять.

– Как по зоопаркам? Они же еще не старые, их рано с арены списывать. Да и номер такой жалко из программы убирать.

– Так и я о том же.

– Не знаю, Алексей Николаевич, не знаю.

– Послушай, Артем. – Директор встал из-за стола, неторопливо подошел к сидящему напротив молодому человеку, по-отечески положил ему руку на плечо. Имел полное право: Артему было всего двадцать пять, директор знал его с пеленок. – Я тебе не говорил никогда. Мне и сейчас нелегко, но придется признаться: твой отец ведь просил у меня львов.

– Как просил?

– Как? Как обычно просят. Тогда, десять лет назад, помнишь, когда погиб Багиров?

– Папа хотел взять львов, которые порвали дрессировщика?

– Ну Амура ведь застрелили. Другие были смирные.

– Все равно это не похоже на папу. Зачем ему понадобились львы?

– Мечтал он о них, Тем. Мечтал, понимаешь? А я не позволил. И из-за него не позволил: побоялся за друга. И из-за себя: испугался, что не вытащит номер. Тем более что мне в Госцирке обещали хорошую кандидатуру подобрать.

– Подобрали, – осуждающе вздохнул Артем.

– Да уж, – не стал скрывать чувства вины директор. Дрессировщика действительно прислали. У него был диплом эстрадно-циркового училища, пятнадцатилетний опыт работы с хищниками и отсутствие какого-либо желания прозябать до конца своих дней в провинциальном цирке. Возможность уехать представилась через десять лет, и он не преминул ею воспользоваться, оставив без зазрения совести и трупку, и шикарный номер, и своих царственных артистов. – Ну, его тоже понять можно. Все-таки Питер – это не...

– У нас тут тоже, поди, не тмутаракань.

– Это ты правильно говоришь. Так что, берешь львов? Отец бы тобой гордился, жаль, не дожил до этого дня.

– А мама? Она волноваться будет.

– Ну, на то она и мама, чтобы волноваться. У нее, знаешь ли, Темочка, предназначение такое – о тебе беспокоиться.

– А Лена?

– Лена? А что Лена? Она ведь замужем. Значит, должна за мужем следовать. Если она, конечно, хорошая жена.

Лена была хорошей и понимающей, хоть и не из цирковых. На сообщение Артема о том, что с сегодняшнего дня к пяти пуделям, с которыми ее муж проводил большую часть времени, добавится дюжина львов, она отреагировала на удивление легко. Восторга и энтузиазма не выражала, но и не задавала лишних вопросов, не осуждала и не смотрела испуганными глазами, безмолвно вопрошая: «Что же ты наделал?» Единственной реакцией, которой удалось добиться Артему, стала легкая ухмылка и ласковая просьба:

– Только ты не рычи!

– В каком смысле?

– В том, что с кем поведешься – от того и наберешься. Наговоришься там с хищниками и будешь на нас ворчать.

– Не буду, – Артем с благодарностью посмотрел на жену, потом перевел взгляд на семимесячную Анютку, что-то увлеченно лепечущую в своем манеже. Внезапный порыв чувств резко подхватил не слишком щедрого на нежные признания мужчину: – Я люблю вас!

Лена смешно сморщила вздернутый носик и, для того чтобы вернуть смущенному мужу потерянное душевное равновесие, потрепала его по щеке, беззаботно хохоча:

– Какая ерунда!

– А львы, Дзен, – это, скажу тебе, никакая не ерунда! – Артем предостерегающе натягивает поводок, строгий ошейник начинает впиваться псу в шею, и он останавливается. – Вот так, мальчик. Когда тебе говорят: «Стоять!» – надо стоять, а не тянуть куда-то в сторону. И нечего обижаться, глаза отводить. На правду не обижаются. Давай посмотрим, что ты запомнил.

Артем быстро экзаменует четвероногого ученика, затем, удовлетворенный результатом, с явной неохотой подводит фила бразилейро обратно к хозяйке.

– Основные команды он уже запомнил. Способный пес. На следующем занятии можно попробовать вводить потихоньку вас.

– Может быть, лучше мужа? – неожиданно пугается блондинка.

Артем раздумывает недолго.

– Нет, лучше вас.

– Почему? – Она позволяет себе задать вопрос кокетливо, давая понять, что его давешняя грубость прощена.

«И что я должен ответить? Что фила бразилейро выбирает себе одного хозяина и подчиняется только ему? Что если таким хозяином станет мужчина, то неожиданно взбесившаяся собака набросится именно на женщину, у которой в таком случае останется не слишком много шансов выжить? Все-таки в схватке с бойцовым псом у мужчины теплится хотя бы надежда на чудо, а женщине ждать чудес не следует ни при каких обстоятельствах. Вряд ли эта информация придется ей по душе».

– Потому.

– И все же? – Эта бестолковая девица продолжает строить глазки.

– Потому что я так сказал, – откровенно хамит Артем. Он смотрит на собаку почти сочувствующе. «Бедняга, ну и хозяйка тебе досталась!»

Несколько секунд блондинка растерянно хлопает ресницами, потом возмущенно шипит:

– Вы со всеми так разговариваете или только с женщинами? Я бы не стала завидовать вашей жене.

Артем резко бросает ей поводок и цедит сквозь зубы:

– Нет у меня никакой жены. Нет! – повторяет он чуть громче, а потом кричит, не отрывая взгляда от расширенных от ужаса глаз клиентки: – Нет! Нет! Вы слышите меня? Нет!

7

Обычно Женя никогда не берет выходной в воскресенье. Это самый напряженный день в дельфинарии: три представления, а между ними – непрерывные сеансы для желающих поплавать с животными. Директор непосредственного участия не принимает ни в том, ни в другом, но в кабинет то и дело заглядывают озабоченные чем-то сотрудники. Все время доносится: «Спросите у Евгении Николаевны. Пусть Евгения Николаевна решает. А где директор? Это не ко мне, это к Жене. Если только Евгения Николаевна разрешит».

И она разрешает, и запрещает, и решает, и отвечает, и хвалит, и ругает, и выясняет, и советует, и еще много бесконечных, разнообразных «и», которые выполняет только она и в которых она незаменима.

«Плохо, конечно, – ругает себя Женя, – все вокруг плохо, и директор из меня никудышный. Другой бы давно так поставил дело, что и в его отсутствие все шестеренки двигались бы без сучка, без задоринки. А я то ли застрашала своих, то ли избаловала так, что без меня они ни одного мало-мальски важного решения принять не могут. Куда это годится? Конечно, музыку к представлению со мной необходимо согласовывать. В случае со звукорежиссером я палку не перегнула, это точно. Но почему врач бежит меня спрашивать, сколько рыбы давать приболевшему моржу; тренер жалуется на непослушных афалин, как будто я могу на них повлиять, фотограф интересуется, можно ли вместо одной белухи выводить на съемки другую, если первая рожает (неужели есть другой вариант?!), а продавец из сувенирного киоска робко просит позволить приостанавливать торговлю во время представления на пять минут для технического перерыва. Кто я: жуткий монстр или никчемная, мягкотелая амеба, на шею которой забралась все подчиненные вместе со своим зверьем? Пора что-то менять. Иначе я скоро сама начну выступать вместо дельфинов, и зарплату буду получать банками рыбьего жира». Обо всем этом Женя успела подумать вчера, пока ехала домой, а добравшись до квартиры, тут же, боясь передумать, схватила телефон и выпалила в трубку уже сонной Шуре:

– Я завтра не приду.

– Как?

– Так.

Вот так. На часах уже десять утра, а она только проснулась и даже не думает подниматься. Знай лежит себе под одеялом, сладко потягиваясь и не пытаясь приоткрыть глаза. Когда такое было в последний раз? Последний раз... Когда? Где? В девяносто третьем под Сан-Себастьяном, где вопреки ожиданиям всю неделю не было волн, и единственным развлечением оказались прогулки по местным панадериям – кондитерским, в которых Женька бесстыдно объедалась пасхальными бунюэлос – малюсенькими пирожными, наполненными кремом и обжаренными в масле? Нет. Потом было, кажется, летнее путешествие в Рим – сорокаградусная жара и палящее солнце, укрыться от которого удавалось только за непроницаемыми жалюзи гостиничного номера. Да, именно там она наотрез отказывалась выползть в объятия Вечного города и ныла из-под подушки, что не желает расплавиться на этих улицах, даже если по ним сам Гай Юлий Цезарь водил свою Клеопатру. А может быть, это случилось как раз на Гавайях? В девяносто пятом Женя уже считала себя опытным серфером и практиковала ночные заплывы, поэтому могла позволить себе утром, после подобных поздних вылазок, немного притворно поворчать и поканючить, прежде чем опять устремиться на войну с волнами. Воспроизвести в памяти эту сцену у нее всегда получалось легко, получилось и сейчас.

– Давай, лежебока, вставай! – Майк пытался стащить с нее одеяло.

– Еще пять минут. – Женька упиралась изо всех сил, стараясь спрятать даже голову в теплое пуховое облако.

– Ты уже три раза просила.

– Ну, в последний раз.

– У тебя каждый раз последний!

Это правда. История вытряхивания Жени из постели повторялась тогда с завидной периодичностью. В любой точке мира, куда бы ни привез ее Майк, она пыталась использовать любую возможность, чтобы как можно дольше понежиться на мягкой перине. Нет, Женя никогда не была лентяйкой, просто она физически чувствовала, что после десяти утра кровь в ее теле бежит как будто быстрее, мысли, приходящие в голову, становятся интереснее, а усталость проходит, появляется жизненная сила.

– Ты как в школу ходила? – много раз недоумевал Майк.

– Во вторую смену, – отмахивалась Женя. Именно поэтому ранние подъемы давались ей, совершенно к ним не привыкшей, непросто, и если предоставлялась возможность их избежать, она такого случая не упускала. Раньше не упускала. Раньше. В другой жизни.

А сейчас? А что сейчас? Теперь и возможностей таких нет, и случаев подходящих она не ищет. Даже сегодня это получилось спонтанно, а потому как-то особенно хорошо. В конце концов, разве не может она хотя бы раз в сто лет полежать и помечтать об изысках баскской кулинарии или вспомнить солнечных зайчиков, пляшущих в воде у берегов Гонолулу?

Стоп! Хватит! Женя резко откидывает одеяло, скатывается с кровати и устремляется в ванную. Несколько пригоршней ледяной воды позволяют ей смыть с глаз наметившуюся красноту и приказать своему отражению железным тоном:

– Пирожные и пляжи – это сплошные уловки. Думаешь, я не понимаю? Решила, что меня можно провести? Я запретила тебе это делать. Ладно, – Женя слегка наклоняет голову вправо и вздыхает, – запретила себе. И вето распространяется не только на него самого, но и на все, что с ним связано. Тебе ясно? – строго спрашивает она, и тут же покорно кивает: – Ясно. Все. Выходной есть выходной, и начинать его со слезливой жалости к самой себе совершенно не входит в мои планы.

Планы у Жени все-таки более радужные. Сколько времени она уже не была в Бирюлево? Стыдно признаться: почти год. Да, точно, приезжала на прошлый мамин день рождения, а сейчас уже и следующий через месяц. Ну, конечно, папин они потом отмечали в ресторане, еще несколько раз встречались у Дины. Эти свидания Женя никогда не пропускает, зная, насколько трепетно сестра относится к соблюдению семейных традиций. Отсутствие на торжестве крестной ее ненаглядных сыновей и по совместительству родной сестры может стать причиной серьезной обиды, а близких Женя старается по мере возможности не расстраивать, хотя и подозревает, что, несмотря на все усилия с ее стороны, они все равно не перестают на нее сердиться. Сколько раз слышала она упреки и видела поджатые губы:

– Такое впечатление, что Сокольники от нас дальше Австралии.

Женя уже привыкла не реагировать на подобные высказывания. Мама всегда недовольна абсолютно всем. Сначала она не хотела принимать Жениного отъезда, теперь до сих пор не может смириться с тем, что дочь вернулась. Может быть, именно из-за этого постоянного, то открытого, то молчаливого осуждения Женя неосознанно старается сократить встречи с родителями, хотя поездка на другой конец Москвы – действительно фантастическая роскошь в ее напряженном рабочем графике. Теперь она надеется, что неожиданное окно в расписании поможет растопить образовавшийся холодок в застуженных ее постоянной занятостью сердцах.

Между тем, хотя Женя и настроилась на благодушный лад, дорога не располагает к положительным эмоциям. Почему путешествие в Бирюлево скорее раздражает, чем вызывает ностальгию? Обычно нормальный человек или радуется, или слегка грустит на свидании с детством: жадно разглядывает уже не совсем знакомую местность, пытаясь найти в ней то неизменное, что особенно дорого лично ему, или всматривается в лица прохожих, надеясь и страшась встретить бывших одноклассников, соседей или еще каких-то персонажей из своего ставшего далеким прошлого. Женя ни о чем таком не думает, людей не разглядывает,

окрестности не изучает. Единственное, что никак не может ускользнуть от ее внимания, – перестройка Царицынского парка. Все вокруг умиляются чудесам ландшафтного дизайна и мастерству архитекторов, наслаждаются волшебной музыкой поющего фонтана и экспозициями открывшего свои двери музея. Спортсмены восторгаются волейбольными площадками и словно специально проложенными для бегунов аккуратными дорожками, молодые мамочки ежедневно приводят своих чад дышать чистым воздухом, влюбленные декламируют Шекспира, бродя по тенистым аллеям или качаясь в лодке посередине Верхнего пруда. Ничего не осталось от темного беспорядочного леса, от илистых, заросших бурьяном берегов, от старых, заброшенных развалин, в которых Женя пряталась, играя в казаки-разбойники. Из запущенной, никому не нужной усадьбы Царицыно в кратчайший срок превратилось в место коллективного паломничества молодоженов с кавалькадой гостей и фотографов, студентов художественных училищ с мольбертами и прочих москвичей и гостей столицы, жаждущих приобщиться к культурной жизни города. Теперь в выходные движение в районе музея-заповедника останавливается, а транспортные пробки на Липецкой улице ничем не отличаются от тех, что заполняют улицу в будни. Местные жители, на протяжении двадцати лет чувствовавшие себя обитателями едва ли не конца света, куда добраться можно если не на собственном автомобиле, то исключительно на автобусе или электричке, теперь ощущают Бирюлево эпицентром вселенной, где жаждет побывать вся Москва.

Район очень сильно изменился, он не будоражит Женину память, не вызывает сладких грез о временах беспечной юности. Фасады домов отшлифовали, здание школы перекрасил новый директор, заброшенный пустырь украсила детская площадка. Нет, Жене эти изменения вовсе не кажутся плохими. Она не консерватор. Просто они уже чужие и ей не принадлежат. Если бы она по-прежнему каждый вечер возвращалась сюда, то считала бы все это неотъемлемой частью своей жизни, но теперь в ее жизни иные части и совершенно другие составляющие. А здесь? Здесь от прошлого остался только сосед-алкоголик. Вернее, сосед уже другой, пристрастия те же. Даже родная квартира, полностью переделанная родителями несколько лет назад, стала неузнаваемой. Не осталось ни игрушек, ни рисунков, ни тетрадей дочерей, ни дверей с зарубками роста, ни следов на обоях от приделанных к ним плакатов с изображениями модных рок-групп. Теперь новые стены и изящные тумбы украшены художествами внуков. Все правильно. Так и должно быть. Время утекает.

– Как бежит время, – мама пристально разглядывает вошедшую Женю. – Женюра, неужели тебе вот-вот стукнет сорок?

– Нам обязательно говорить об этом? – Женя быстро скидывает куртку и обувь и устремляется в глубь квартиры: – Папа! Пап! – По крайней мере, отец не станет рассуждать о ее возрасте.

– Его нет. В магазин пошел, – откликается не отстающая мама.

«Отослала?» – едва не слетает с Жениных губ, но она все же сдерживается:

– О! Новая? – быстро показывает она на картину. – Красивая. Когда купили?

– Два года назад. И ты уже спрашивала это несколько раз.

«Черт! Надо же было так опростоволоситься!»

– Евгения!

«Начинается...»

– Нам надо серьезно поговорить!

«Уже началось...»

– А без этого никак нельзя? – Женя почти умоляюще смотрит на мать. Но не тут-то было. Миниатюрная, ухоженная, с вкрадчивым, почти елейным голосом, эта женщина производит впечатление милой, домашней кошечки, но те, кому не удалось ограничиться шапочным знакомством, знают, что единственная дочь генерала Советской армии – настоящий кремль.

– Нельзя! – решение окончательное и обжалованию не подлежит.

– Ладно. О чем? – Терпение и покорность – все, на что остается уповать Жене в данной ситуации. Тем более что тема обсуждения заранее известна. Она неизменна уже несколько лет: «Работа не может отнимать столько времени. Жизнь проходит мимо тебя. Оглянись вокруг, у всех давным-давно семьи, а у многих и не первые. Вот у тети Иры, Зои, Маши, Глаши... есть сын, племянник, знакомый... Так вот, он хочет, жаждет, мечтает... увидеть, лицезреть, познакомиться... и, конечно же, отказывать просто невежливо. Ведь речь идет о родственнике самой Даши, Саши, Вени, Фени». В общем, Жене заранее хочется взвыть от скуки. Тем более что мама, ележно улыбаясь, заговорщицки сообщает:

– Не о чем, а о ком! – Она садится на кожаный белоснежный диван.

Женя невзлюбила этот образец современного минимализма при первой же встрече – то ли оттого, что своим цветом он почему-то напоминал ей больничную обстановку, то ли оттого, что она заранее почувствовала, что именно на этом диване мама станет вести все серьезные разговоры. Этот не исключение. Жестом Женю приглашают присесть рядом. Она опускается на холодную кожу и безразлично спрашивает:

– Так о ком же?

– О дельфинах! – следует торжественное объявление, и Женя чуть не вскакивает от неожиданности.

– О дельфинах? А что, собственно, ты можешь о них...

– Что я могу о них сказать? Ты права, дорогая, ровным счетом ничего. Я хотела бы спросить.

– Да? – Женя не верит своим ушам и не скрывает заинтересованности так же, как до этой секунды не пыталась скрыть безразличие.

– Кто такие дельфины? – вопрос странный и неконкретный, но Женя мечтательно улыбается.

– Кто такие дельфины? – ожил в памяти голос профессора Вяземского. Под торопливый скрип шариковых ручек он, признанный светило и гроза всей кафедры общей психологии, из конца в конец мерил аудиторию непрерывными шаркающими шагами. – Ученые нашей лаборатории считают, что дельфины – это... – Но Жене не было никакого дела ни до дельфинов, ни до Вяземского, ни до предстоящего экзамена по зоопсихологии. Лекции можно списать, к экзамену подготовиться, на дельфинов посмотреть в зоопарке. В каком зоопарке? В Дижоне его, возможно, и нет, а в московский у нее теперь точно не будет времени заглянуть. А вдруг будет? А если не отпустят? Женька нервно сжала в кармане изрядно потрепанный листок. Уже неделю она не решалась показать его родителям. Пока они ничего не знают, она вольна мечтать о будущем сколько угодно, но стоит рассказать – и почти схваченная за пестрый хвост птица удачи может снова ускользнуть в неведомые дали. В конце концов, железный занавес рухнул не так уж давно, чтобы ее выросшие в Советском Союзе и пропитанные его духом родители могли бы спокойно отпустить дочь во Францию. Что делать? Как сообщить? Оставить письмо на видном месте? Не вариант – родители по-французски не понимают. Сейчас, кажется, идет Каннский фестиваль. Сказать, что в следующем году она, если захочет, сможет постоять возле красной дорожки? Решат, что это очередная глупая шутка их маленькой Женюры. Они почему-то до сих пор называют Женьку маленькой, хотя Дина на восемь лет младше. Да, если Женька уедет, нелегко придется сестренке. Уж ее-то ни за что никуда не отпустят.

Так как же преподнести новость? А может, не стоит изобретать велосипед? Да, так будет проще:

– Мое предложение по изучению психологии бриаров как отдельной породы заинтересовало одну лабораторию.

– Да ну?! – Отец обрадованно хлопнул в ладоши. Он всегда радовался успехам детей, особенно профессиональным.

– Неужели? Не думала, что кому-то это покажется заманчивым, – мама, как обычно, не могла удержаться от сарказма, но даже ирония получилась у нее на сей раз веселой.

– И что же это за лаборатория? – в нетерпении спросил папа.

– Ну... Она не в Москве.

– Конечно, не в Москве, – с энтузиазмом откликнулась мама. – Не тяни! Признавайся сразу! В Петропавловске-Камчатском? В Магадане? В Якутске? Имей в виду, ты туда не поедешь! И думать забудь!

– В Дижоне, – еле слышно произнесла Женя.

– Где? – хором переспросили родители, и отец тут же добавил: – Это тот Дижон, о котором я думаю?

– Да, французский.

– Но почему, собственно... – растерянно начала мама.

– Бриар – французская овчарка, – с готовностью пояснила Женя. Она говорила об этом уже десятки тысяч раз и каждый раз обижалась, почему никто в семье не может понять и разделить ее увлеченность этими великолепными собаками. Но сегодня она готова повторять это снова и снова, только бы ее наконец услышали, только бы поняли, только бы отпустили.

И они отпустили. Впоследствии Женя оценила этот поступок родителей, она всегда была благодарным ребенком и сумела понять, чего стоило маме, всегда считавшей увлеченность дочери животными вообще и собаками в частности чрезмерной и непонятной, согласиться на эту авантюру. Но в тот самый момент, когда Женя услышала сокровенное «поезжай», она не почувствовала ничего, кроме эйфории, безумного счастья и огромного облегчения. Желаемое на глазах воплощалось в действительное, и она была не в состоянии думать ни о чем, кроме предстоящей поездки.

По прошествии времени Женя так и не смогла вспомнить ни госэкзаменов, ни защиты диплома, ни того, что же говорил о дельфинах почтенный профессор Вяземский. Она просто подгоняла время, оставшееся до получения вожделенной корочки, и жила постоянным ожиданием отъезда в университет Дижона, который подарил ей грант на научную работу, посвященную бриарам. Женя бредила этими собаками, а дельфины в то время ее совершенно не интересовали. Какая разница, что из себя представляют эти холодные, скользкие, совершенно мокрые существа, если место в ее голове и сердце давно прочно заняли те, мокрым у которых является только нос? Женя могла бы часами рассуждать о том, кто такие бриары, а кто...

– Кто такие дельфины? Странно, что ты спрашиваешь, – говорит она матери, все же вставая с бездушного дивана.

– Женя, ответь мне!

– Тебе этот вопрос кажется простым?

– Более чем, – мама недоуменно вскидывает брови.

– Ну... Похожие на рыбу млекопитающие. Дышат воздухом, всплывая на поверхность, кровь у них горячая и алая, живут дельфины около сорока лет...

– Рассказ ученицы средней школы, а не директора дельфинария.

– «Стремясь сквозь зеленые воды, символизируя радость, вы прыгаете из глубин, чтобы прикоснуться к небу, разбрасывая брызги, как горсти драгоценностей...»³

– Это ты не сама придумала, а меня интересуется твое мнение.

– Мама, что ты хочешь?

– Хочу понять, что в них есть такого замечательного, чего нет в людях.

– А-а-а... – Женя разочарована. Она-то думала, что наконец что-то новенькое, а оказывается – все то же самое, просто заход выполнен с неожиданно правильной стороны. Мама

³ Отрывок из поэмы Хорейса Добса – ученого, терапевта, специалиста по лечению дельфинов.

еще сдержалась и сказала «в людях», хотя подразумевала, естественно, исключительно мужчин. О! Женя с удовольствием рассказала бы о тех качествах дельфинов, которым могли бы позавидовать многие двуногие особи. Мало с кем рядом можно испытывать такие благодать и спокойствие, которые чувствуешь около дельфина. Редко кто одним своим видом способен мгновенно поднять настроение. В общем, в общем... – Дельфины гораздо лучше нас, мамуль.

– Господи! Ты меня в могилу сведешь. Ну, почему? Почему все время находится кто-то, кто заменяет тебе нормальные человеческие отношения? Собаки, кошки, дельфины!

– При чем здесь кошки? – не понимает Женя.

– Кошки, возможно, и ни при чем, но я устала повторять тебе, что прошло уже больше десяти лет, а ты... – Женя предостерегающе поднимает руку, загораживает лицо, будто хочет закрыться от разговоров о прошлом, но мама завершает тираду совершенно невообразимым пассажем: – Ты продолжаешь заниматься ерундой!

– Ерундой?! – Женя уже не сдерживает гнева. – По-твоему, миллионы детских улыбок – это ерунда?

Мама мягко дотрагивается до ее руки:

– Я хочу, чтобы улыбалась ты, Женюра!

8

Юленька завтракала, когда раздался тот памятный звонок в дверь. Она вскочила из-за стола и с той скоростью, с которой ей позволяли это сделать двадцать шесть недель беременности, поспешила к двери. «Приехал! Приехал!» – радостно трепетало сердце. Но на пороге вместо долгожданного профессора она увидела незнакомого мужчину средних лет. Девушка всегда с трудом определяла возраст. Да и возможно ли определить, кто перед тобой: обычный человек сорока с небольшим или подтянутый, следящий за собой и прекрасно выглядящий мужчина, которому перевалило за пятьдесят? Невероятно сложно. Ведь когда тебе немногим за двадцать, даже цифра тридцать кажется страшной, а уж те, кому исполнилось сорок, представляются совершеннейшими стариками. Юленька, конечно, так не считала. Она собиралась прожить жизнь с уже не юным человеком, но все же собственный возраст не позволял ей назвать стоящего перед ней мужчину молодым. Он был... Он был пожившим. Об этом свидетельствовали глубокие тропинки морщин, пересекающие лоб, и изрядная седина в густых волосах. Некоторая сутулость скорее была результатом высокого роста, а не гнета проблем, свалившихся на плечи, а усталый взгляд, напротив, кричал о том, что проблем у мужчины хватает.

Юленька и сама не знала, почему она продолжала стоять и разглядывать незнакомца, вместо того чтобы просто закрыть дверь. Ясно ведь: человек ошибся. Он почему-то тоже молчал, хотя должен был бы спросить, не знает ли она, где живет тот, кто ему на самом деле нужен.

– Извините, – наконец пролепетала девушка, намереваясь исчезнуть в квартире, но незнакомец опередил ее, с неожиданной быстротой поставив ногу на порог.

– Это вы меня простите за вторжение, – вежливо проговорил он, – но, видите ли, понимаете, тут такое дело: мне нужны деньги.

– Ой! – Юленька испугалась. Какой-то сумасшедший ходит по квартирам и просит милостыню, а она совершенно одна. А если не милостыню? Если он бандит? Если просто спокойно сообщил ей, зачем пришел, а как только окончательно ворвется в квартиру и захлопнет дверь, набросится на нее и станет требовать сказать, где тайник? А вдруг не поверит, что никакого тайника у нее нет? Надо обязательно показать ему зачетку и паспорт. Должны ведь даже грабители понимать, что у студентки, да к тому же и не москвички, не может быть никаких золотых запасов. А если он рассердится, что у нее ничего нет, и тогда... «Боже мой! Только не это!» Юленька инстинктивно на мгновение загордила свой живот, потом начала дрожащими руками вынимать из ушей маленькие золотые колечки, суетливо приговаривая: – Сейчас, сейчас. Одну секундочку. Вы только не сердитесь, хорошо? Сейчас я все отдам, все отдам...

Девушка настолько уверилась в собственных предположениях, что даже не заметила замешательства, с которым мужчина наблюдал за ее действиями. И только когда из ее глаз градом полились слезы, он наконец разобрался в ситуации.

– Простите, я... Вы не о том подумали... Да успокойтесь же! – Он протиснулся в квартиру, схватил Юленьку за руки, потрянул за плечи, положил на тумбочку всунутые ему сережки. – Я не вор, слышите?

– А к-к-кто? – шмыгнула носом девушка.

– Я – хозяин квартиры.

– Хозяин квартиры?

– Да. И я никогда не позволил бы себе врываться к вам без приглашения, если бы получил ежемесячную оплату. Я звонил несколько раз, но...

– Я обычно отключаю телефон после девяти вечера...

– А-а-а...

– Мне нужен здоровый сон.

– Понятно-понятно, это не претензия, я просто пытаюсь объяснить, почему явился, не предупредив. Обычно вы аккуратно платили, и я подумал, не случилось ли чего?

– Случилось. То есть нет, не случилось. Просто муж уехал в командировку и, наверное, забыл сделать перевод. Он скоро вернется и сразу же вышлет деньги.

– Скоро?

Юленька чувствовала себя героиней любимого фильма «Карнавал». Хоть бы этот человек не сделал ее заложницей и не стал бы дожидаться в квартире приезда хозяина! Тем более, о конкретной дате его возвращения Юленька не имела ни малейшего понятия.

– Да-да. Буквально через несколько дней, – девушка искренне улыбнулась, и незваный гость, коротко кивнув, вышел из квартиры, жестом отклонив предложение выпить чаю. – Через несколько дней, – зачем-то повторила самой себе Юленька, – через несколько дней. – Он ведь сказал, что его не будет пару недель, а прошло уже, наверное, дней двенадцать. Да зачем лукавить? При чем тут «наверное», если она совершенно точно знает, что с момента отъезда профессора в отпуск прошло ровно двенадцать дней: не больше и не меньше, она же считает.

– Поеду в дом отдыха, – сказал он ей. – Потом родится ребенок, и будет не выбраться.

– Возьми меня с собой.

– Тебе учиться надо. Диплом на носу.

– Думаешь, меня станут заваливать?

– Я думал, ты не из тех, кто пользуется своим положением.

– Не из тех, не из тех. Поезжай!

И он поехал, пообещав вернуться примерно через пару недель.

Когда же вместо двух недель на исходе оказалась третья, Юленька, вздрагивающая от каждого шороха и ежесекундно ожидающая требовательного звонка в дверь, набралась храбрости и все же поинтересовалась на кафедре, где числился профессор, скоро ли он вернется из отпуска.

– Ой, Севастьянова, – бойко откликнулась лаборантка, – скажешь тоже, зачем ему возвращаться?

После непродолжительной паузы и нескольких наводящих вопросов Юленька узнала, что интересующий ее преподаватель ни в какой отпуск не уезжал, а отбыл по двухлетнему контракту на работу в университет Массачусетса.

– Все. Будет теперь американцев учить, как правильно дома строить, а то они из-за своих небоскребов все азы, наверное, позабывали, – торжественно заключила лаборантка. – А ты чего нос повесила? У тебя хвост какой? Так пересдашь кому-нибудь другому. Мало у нас профессоров, что ли?

Юленька лишь неопределенно качнула головой и выдавила из себя еле различимый вопрос:

– Может быть, здесь какая-нибудь ошибка?

– Да нет, – недоуменно пожала плечами собеседница. – Откуда здесь взяться ошибке? Разве нормальный человек откажется от такого предложения? Там месячная зарплата такая, которую у нас за десять лет не заработаешь. И собственный дом арендовать можно, и автомобиль нормальный приобрести, и детишек в частную школу определить.

– Каких детишек? – Юленька почувствовала, как бойкие, маленькие пятки начали беспокойно колотить ее по ребрам.

– Так сынишек своих. У него старшему двенадцать, а младшему, кажется, восемь. То ли Петя с Колей, то ли Саша с Сережей. Нет, не вспомню.

– Сережей, – эхом повторила Юленька, прислоняясь лбом к дверному косяку.

– Ну да. В общем, я ради своих деточек уж постаралась бы, чтобы мой контракт продлили, а потом бы еще продлили, и еще, и... Ой, Севастьянова, что с тобой? – Женщина испуганно бросилась к практически съехавшей на пол девушке. – Ты что это удумала? Ну-ка давай,

садись! Пей большими глотками, пей, говорю! – Она настойчиво протягивала Юленьке стакан воды. – Что случилось? Ты зачем вообще ходишь? Тебе уже дома сидеть пора. Ты академ взяла?

Девушка сделала несколько глотков и с трудом разлепила губы:

– Нет.

– Нет?

– Еще время есть. Да и защита у меня через пару месяцев, я думала успеть. – Юленька отчаянно пыталась взять себя в руки, но слезы продолжали непроизвольно катиться из глаз, голос неуверенно дрожал, ладони, сжимающие стакан, тряслись, проливая воду на стол, заваленный чьими-то конспектами.

Лаборантка осторожно забрала у девушки стакан.

– Ты чего испереживалась-то? Он – твой научный, что ли? – Женщина решила, что молчание Юленьки подтвердило правильность ее предположения, и продолжила спокойно увещевать: – Так ты не переживай, тебе нового дадут, ничем не хуже. Странно, конечно, что он тебе не сказал, но, знаешь ли, наверное, выполнение отцовского долга для него гораздо важнее, чем преподавательского. И за это, как женщины, – она многозначительно взглянула на живот девушки, – мы с тобой его осуждать не будем.

Если бы Юленька могла, она бы сказала, что как раз соблюдение отцовского долга этого мужчину (если, конечно, его можно теперь называть этим словом) не волнует абсолютно. Но она не решилась, покорно кивнула и шепнула:

– Не будем.

– Вот и славненько. Как ты? Отпустило? Идти сможешь или тебя проводить?

Получив отрицательный ответ, лаборантка с облегчением принялась выпроваживать девушку:

– Ступай домой и ни о чем не беспокойся. Ты вообще не об учебе сейчас должна думать, понятно? – И глядя вслед уже медленно удаляющейся Юленьке, неожиданно добавила: – И мужу своему скажи, чтобы не позволял тебе расстраиваться по пустякам, слышишь?

– Скажу, – из последних сил обернулась девушка. У нее даже получилось выдавить на прощание некое подобие улыбки, хоть и заметно кривой, и совсем невеселой. Юленька больше не плакала. От сильной боли, бывает, рыдают раненые, а убитые молчат – им не больно и не страшно. Их нет. И это невыносимо.

– Это невыносимо! – решила пожаловаться на судьбу пожилая гардеробщица. Кивнула на очередь из жаждущих сдать и забрать верхнюю одежду и спросила, в отчаянии закатывая глаза: – Когда это закончится?

Юленька не понимала, о чем с ней разговаривают. Мертвые непонятливы. Смерть – понятие необратимое. Но она все же ответила. Ответила себе:

– Никогда.

– Почему никогда? Летом, – удивленно продолжила разговор гардеробщица.

Но Юленька не реагировала. Реакции – привилегия живых организмов. Пальцы девушки больше не дрожали, плечи не сутулились. Она надела пальто и впервые за последние месяцы посмотрела не на отражение своего живота, а на выражение лица. Спокойное лицо, только бледное. Что ж, обычное состояние для тех, кто отмучился. О чем еще она могла подумать? Что еще ей стоило сказать? Ничего. Разве что только... И в зеркало полетело холодное, равнодушное обвинение:

– Дура ты, Юль!

9

Марта лежит на спине, извернувшись самым немислимым образом. Задние лапы то и дело рефлекторно вздрагивают и вытягиваются, передние согнуты и прижаты к груди. Закинутая назад морда произвольно скалится, глаза закрыты, нос хрюкает и сопит – собака сладко храпит, развалившись посередине комнаты и занимая собой все свободное пространство. Конечно, однокомнатная и совсем негабаритная квартира Артема категорически не предназначена для содержания восточно-европейской овчарки, но раньше Марта в этих «хоромах» проводила не так уж много времени, а для ночлега хорошему псу и конура сгодится. Но теперь... Теперь Артем с тоской наблюдает, как лапы ежесекундно постукивают по дверце шкафа, а довольно ворчащий нос практически упирается в ножку дивана, стоящего с противоположной стороны. Отложив газету и свесившись с кушетки, Артем, как обычно, делится с собакой невеселыми мыслями:

– Маловата у тебя территория, дружок. Что верно, то верно.

Мгновенно проснувшийся хвост отбивает быстрый, громкий ритм по ламинату.

– Сегодня, Марта, лучше не стучи! Ругаться будут.

Ругаться Артему совсем не хочется. От одной мысли о возможной встрече с соседкой снизу и без того плохое настроение портится окончательно. Друзья неоднократно советовали ему обзавестись ковром, чтобы усмирить гнев весьма нервной особы, постоянно вызывающей участкового потому, что «из-за этой ужасной собаки у нее качается люстра, сыплется штукатурка, болит голова, дети не могут делать уроки, а муж скоро начнет заикаться. Ведь он – несчастный – вздрагивает каждый раз, когда слышит этот ужасный лай». Артем прекрасно понимает, что люстра качается из-за того, что дети носятся по квартире, как сумасшедшие, штукатурка сыплется потому, что потолок давно требует побелки, уроки не выполняются из-за обыкновенной лени, а муж вздрагивает не по причине добродушного лая (кстати, даже не Марты, а спаниеля, живущего двумя этажами ниже), а исключительно из-за недовольных воплей собственной постоянно раздраженной жены. Он все это осознает, но не имеет никакого желания вступать в дискуссии, доказывать невиновность своей собаки и раздражаться в ответ на бесконечные претензии соседки ни гневными тирадами, ни жалкими оправданиями. Единственное, в чем он не может себе отказать, – это в теплящемся где-то в глубине души, вполне объяснимом, хоть и не слишком добродетельном человеческом желании все же чем-нибудь досадить этой женщине, частенько отравляющей его существование своими визитами в компании наряда милиции. Конечно, громогласные заявления о постоянном, непереносимом шуме, мешающем ей жить, стражи порядка не расценивают всерьез, но и не реагировать на звонки права не имеют. Поэтому и приходят, и проверяют, и берут под козырек, и произносят примирительным, даже извиняющимся тоном:

– Вы уж потише, гражданин, постарайтесь!

А Артем не способен совладать с зовом души. Оттого и не старается, просто живет своей жизнью: ковров не покупает, извинений за их отсутствие не приносит и собаку в выражении эмоций сдерживать не пытается.

Марта и не сдерживается: продолжает барабанить длинным хвостом по полу, вслушиваясь в негромкий голос любимого хозяина. Через несколько секунд снизу раздается оглушительный грохот: на сей раз в качестве оружия против Артема выбраны гаечный ключ и труба. Марта тут же вскакивает, скалится, предостерегающе рычит, сообщая странному, раскатистому звуку свою готовность защищаться, и, не услышав изменений «в поведении» противника, коротко и грозно лает. В ответ раздается надрывный, истерический вопль:

– Ишь, рычит, гадина! Ты бы еще льва здесь завел!

– Это лев? – Трехлетняя Анютка осторожно заглянула в одеяло, которое Артем приоткрыл, опустившись со своей ношей перед дочкой на корточках.

– Да. Львенок.

– Почему он в одеялке? Сейчас жарко.

– Он маленький, ему холодно.

– Ты его принес насовсем?

– Я его принес пока.

– Он у нас поживет?

– Поживет.

– Мама, папа принес льва! – Довольная Анютка понеслась в сторону кухни.

Лена выглянула оттуда с озабоченным видом, но произнесла, как всегда, иронично и спокойно:

– Мне казалось, обычно львы носят тебя, а не наоборот.

– Этот пока еще слишком маленький. – Артем позволил ей заглянуть в сверток, откуда уже высовывался настороженный нос и два еще подслеповатых желтых глаза.

– Прелесть! – заключила жена и тут же встревоженно спросила: – Отказалась?

– Да. Ты понимаешь, я...

– Я понимаю, понимаю. – Она погладила его по щеке, в очередной раз доказывая, что Артему фантастически повезло со спутницей жизни. Она помнила, как полтора года назад львица Эльвира родила трех котят и отказалась от потомства. Артем еще плохо знал львов, хотя работал уже только с ними. Пудели, несмотря на протесты дрессировщика, отправились в другой город. Там им предстояло стать звездами шоу «Собаки на роликах», а Артему оставалось лишь утешаться воспоминаниями о милых его сердцу собаках и усердно искать общий язык с пока еще не слишком знакомыми хищниками. Неопытность не могла не привести к ошибке, которую должен совершить каждый ученик, чтобы превратиться в мастера. Не избежал этого и Артем. Тогда, после рождения львят, он все ждал, что их мать опомнится, потому и не забрал детенышей сразу же, как только заметил отчуждение. Закончилось это плачевно: на вторые сутки львица съела всех своих котят, и Артем до сих пор корил себя за случившееся. Теперь, когда вновь родившая самка опять проявила холодность к ребенку, он ждать не имел права.

– Один? – кивнула Лена на сверток. Жена дрессировщика обязана знать, что львы обычно приносят несколько детенышей.

– Второй родился мертвым.

Женщина бросила на мужа обеспокоенный взгляд: не переживает ли, не винит ли себя? Кажется, нет. Все в порядке, и она уже весело спросила:

– Куда мы его определим?

– Кого? – вышла в коридор мама Артема.

– Папа принес льва, – объявила и ей Анютка.

– С ума сошел! – схватилась за сердце пожилая женщина. – Тоже мне, Вера Чаплина!⁴ Ты о семье подумал? Как мы жить будем?

– Так же, как раньше, только вместе с львенком. Кстати, Чаплина держала свою Кинули в коммуналке, и никто из жильцов не возражал, а тут родная мать...

– Я не возражаю, Темочка, – тут же пошла на попятную мама, – я беспокоюсь. Ты же помнишь эту историю с Берберовыми?⁵

– Помню. К счастью, никому больше не приходило в голову держать в квартире взрослого льва. И я тоже не собираюсь. Договорились?

⁴ Вера Ивановна Чаплина работала в Московском зоопарке, часто брала питомцев домой, написала ряд книг о животных.

⁵ Берберовы – бакинская семья, державшая в начале 1980-х годов в квартире льва и пуму. Увлечение дикими животными закончилось трагически: лев, что-то не поделивший с пумой, по неосторожности лапой убил сына хозяев, бросившегося разнимать животных.

– Договорились, – обреченно вздохнула мама.

Согласие домашних было получено, и малышка Диана (так Артем решил назвать львенка) осталась в квартире на попечении женщин. У Артема репетиции, представления, постановки и ежедневная борьба за жизнь еще двенадцати хищников. В девяносто третьем году запасов мяса в стране не хватало для людей, и обеспечивать необходимым ежедневным рационом всех своих зверей Госцирк возможности не имел. Коллеги из конно-спортивного клуба нашли выход: катали детей на лошадях, хоть как-то животных подкармливали. Лев прокатиться на себе мог позволить только Артему, да и не всякий лев, только самый покладистый. Цирковые зазывали зрителей сфотографироваться с кроликами, обезьянами, медведями, но лев – не кролик и даже не медведь: его на поводке не удержишь. В общем, забот у Артема хватало. Двенадцать пар голодных глаз ежедневно взирали на него из клеток. Говорят, артист должен быть голодным, тогда драматическая игра получается надрывнее и достовернее. Лев – артист развлекательного жанра, а для того, чтобы заставить публику смеяться и восторгаться, неплохо самому быть довольным жизнью. Артем старался сделать эту жизнь приятной: несколько раз в неделю подрабатывал ночами охранником в продуктовом магазине, а зарплату получал мясом. Последствия этого – чуть более сытые звери и несколько внушительных шрамов на ногах дрессировщика: после бессонных ночей реакция заторможена, не всегда удавалось увернуться от чем-то недовольного хищника.

Дома Артем появлялся редко. В основном лишь для того, чтобы поспать. Но и перед тем, как провалиться в глубокий сон, он всегда успевал заметить, что худенькое тельце маленькой Дианы обложено бутылочками с теплой водой, а на губах сладко сопящего львенка видны еще не засохшие капли свежего молока. Это все, на что он способен был тогда в отношении принесенного в дом питомца. Артем даже не просыпался, когда дважды за ночь звонил будильник и полусонная жена что-то бубнила себе под нос, вставляя львенку в рот очередную бутылочку с питанием.

Лена кормила, Лена ухаживала, Лена согревала, Лена покупала соски и бегала за постоянно кончающимся молоком, Лена даже пела колыбельные своей мохнатой дочурке и никак не могла понять, почему же эта едва научившаяся ходить, неблагодарная кошка тянулась к постоянно отсутствующему Артему больше, чем к ней.

– Я спасла ей жизнь, а она... – сокрушалась она, глядя, как львенок ластится к едва переступившему порог мужчине.

– Не грусти, Ленка, ты просто не была первой, кто это сделал. – Артем почесывал плюшевое ухо в такт доверчивому мурлыканью, что вырывалось из груди довольной кошки.

– Подумаешь, ты ее домой притащил! Как бы она выжила без еды, интересно?!

– Лен, она – зверь. Она запах помнит, понимаешь? Мой запах. Она помнит, что это я ее, как ты выражаешься, «притащил» туда, где ей тепло, сытно и хорошо. По факту все это обеспечиваешь ты, а по ее понятиям – я. Я ее выбрал, я – хозяин, она так решила, а волю свободного зверя ничем не сломишь. Так что придется тебе смириться с этой несправедливостью.

– Все ясно. Даже лев, который, я думала, будет принадлежать мне, все равно оказался твоим.

– Ну, я же все-таки дрессировщик!

– И где ты ее дрессировал? – засмеялась жена. – Во сне?

Артем смутился. Лена была права. Он ничем не заслужил преданности Дианы, но разве кто-нибудь когда-нибудь откажется добровольно от дружелюбного проявления внимания и бескорыстной любви к собственной персоне? Тем более, если чувства эти проявляет такая симпатичная молодая особа, в которую уже начал превращаться маленький львенок. Благодаря неустанной, каждодневной заботе Диана действительно быстро расцвела и из несчастного, брошенного, едва дышавшего заморыша преобразилась в ухоженную, красивую пусть пока еще не королеву, но уже точно принцессу зверей. Шерсть у львенка была мягкой, густой и почему-то

напоминала Артему тот пушистый ковер, на котором он любил валяться в детстве в доме своей бабушки. Волосяной покров других питомцев таких ассоциаций не вызывал, хотя не отличался ни структурой, ни окрасом. Диана вообще казалась Артему непохожей на других львов, и не потому, что была еще маленькой и росла в его доме, и не из-за того, что обладала исключительной внешностью (изумрудные глаза, стройные, мягкие лапы, любознательный взгляд, горделивая стойка и грациозная, почти женская походка). Нет, красота львенка не являлась определяющей в ее отличии от собратьев. Да и не существует, наверное, такого льва, которого можно назвать хоть сколько-нибудь несимпатичным. Уж слишком элегантны, изящны и вместе с тем невероятно внушительны все представители этого семейства. Диана представлялась Артему совершенно особенной скорее из-за того, что в характере ее, как ни старался, не мог он обнаружить ни одной действительно отрицательной черты. Да, она не терпела фривольного обращения и не подпускала к себе посторонних, но кто же назовет это недостатком и кому понравится, когда его теребят, чешут, гладят, тормозят и куда-то тащат, не спросив разрешения? Да, Диана была бойкой и шумной, любила похулиганить и испортила уже не одну штору, но такие непосредственные, в меру шалящие дети всегда вызывают больше умиления и улыбок, чем тихони, вечно сидящие в углу и что-то нечленораздельно мычащие в ответ на обращенный к ним вопрос. Да, львенок не позволял уделять больше внимания Анютке: играть непременно следовало с обеими, в противном случае Диана начинала оттеснять девочку, загораживать ее и протягивать в руки взрослых только свои мячики. Но ни одному человеку, мало-мальски знакомому с основами психологии, такое поведение не могло показаться ни странным, ни удивительным, – обычная ревность, встречающаяся в каждой нормальной семье, где растут двое малышей. При этом, несмотря на то что Диана старалась привлечь внимание всех членов семьи исключительно к своей персоне, она никому не позволяла обижать Анюту. Стоило кому-то начать ругать девочку, объяснять ей что-то недовольным или повышенным тоном, львенок подходил ближе, садился и внимательно слушал, склоняя голову набок, будто старался оценить происходящее и досконально разобраться в возникшей проблеме. Через мгновение Диана поднималась и неторопливо перемещалась в сторону ребенка, садилась возле Анюты и смотрела на, с ее точки зрения, обидчика девочки с таким презрением и чувством собственного превосходства, что взрослые сразу же забывали все, что собирались растолковать провинившейся крохе. Так что, даже несмотря на маниакальную ревность по отношению к «сестричке», Диана оставалась великолепным другом, Диана своих не бросала. Таким образом, все особенности поведения маленькой львицы, которые можно было бы признать недостатками, с другой стороны, относились к ее неоспоримым достоинствам. Но не было в ней того, что с избытком находил Артем в других львах: той единственной, негативной черты, превалирующей над всеми остальными и, в конечном счете, определяющей характер.

Так, Артур был хитрым задирой: постоянно исподтишка подначивал других львов на драку, стараясь делать это незаметно для дрессировщика, чтобы потом досталось ответившему на вызов, а вовсе не заводиле. Кора слыла образцом мстительности: не спускала ни грубого слова, ни строгого взгляда никому из людей: всегда отвечала злобным рыком и норовила сделать какую-нибудь гадость (порвать забытую на манеже вещь или, хуже того, справить на нее свои естественные потребности), никогда не прощала она и злобного выпада в свой адрес со стороны других львов: не оставляла попыток укусить, ударить лапой и продемонстрировать, кто главней. Вулкан, несмотря на кличку, был трусишкой и подхалимом. За лишний кусок мяса готов унижаться до последнего, а чуть более, чем обычно, повышенный голос дрессировщика может заставить эту двухсоткилограммовую тушу дрожать. Полет был равнодушным: ничем не интересовался. Ни командами Артема, ни выступлениями, ни даже львицами. Его выводили на манеж для того, чтобы не пустовала тумба, на которой он спокойно сидел, всем своим видом показывая, что единственное, чего он хочет, это чтобы его наконец все оставили в покое: и люди, и звери. Артему предлагали отдать бездарного льва в зоопарк, но сначала дрессировщик

не хотел верить в полное отсутствие у Полета интереса к выступлениям, потом – в то, что не в силах обнаружить в себе способность разбудить в звере хоть какой-нибудь талант, а теперь, когда он уже готов согласиться и с тем, и с другим, ни один зоопарк не желает принимать на свой баланс лишний, да еще такой немаленький рот.

В Диане Артем не видел ни подлости, ни мстительности, ни трусости, ни подобострастия, ни тем более равнодушия. Не видел ничего из того, что могло бы хоть как-то испортить его особенно высокое мнение об этой представительнице семейства кошачьих. Артему она казалась настолько совершенной, что иногда он даже начинал размышлять, не является ли тем самым слепым родителем, который упрямо не желает замечать явных огрехов собственного чада. Когда же в очередной раз убеждал себя в абсолютной добродетельности воспитанницы, не переставал беспокоиться, что все изменится, как только Диана из дома переберется в цирк.

Но этого не случилось. Львенок и здесь проявил себя с наилучшей стороны: в загоне не скулил, репетировал с явным удовольствием, с другими львами вступать в контакт пока остерегался, но смотрел на них без настороженности, скорее с вежливым, настойчивым интересом. Переезд Дианы из квартиры оказался более болезненным для домашних Артема, чем для самой львицы. Если раньше жена и дочка не баловали Артема частыми визитами, справедливо полагая, что не следует отвлекать человека от работы и пользоваться своим положением, чтобы лишний раз взглянуть на мартышек и попугайчиков, то теперь уже не заботились о том, как отнесутся цирковые к незванным гостям. Они приходили почти каждый день и часами просиживали у вольера, разговаривая со своей любимицей. То ли оттого, что благодаря этим частым свиданиям Диана не чувствовала себя брошенной, а может быть, из-за того, что была от природы необычайно любознательна и в меру покладиста, но ко всем произошедшим в ее жизни переменам отнеслась она вполне благосклонно. К манежу привыкла довольно быстро, без опаски выходила на него и с удовольствием отдавалась предложенным забавам: играла, резвилась, валялась на арене, общалась с теми, кто не боялся подойти к уже очень большой, пусть и дружелюбной, кошке.

Гораздо сложнее оказалось приучить Диану спокойно сидеть на тумбе и не спрыгивать с нее без команды. Эта наука в принципе не дается легко ни одному хищнику. Конечно, в природе лев способен на какое-то время притаиться в кустах в ожидании добычи, но тумбу для охоты он не использует. Нежелание львенка оставаться на месте не удивляло Артема. Он потратил несколько месяцев, и в конце концов Диана позволила ему свободно разгуливать по манежу одному, в то время как она продолжала со скучающим видом сидеть на постаменте, определенно, по ее мнению, не подобающем ее царственной особе.

Довольный, Артем решил, что Диана готова репетировать вместе с другими львами. И неожиданно начались проблемы. Львица была еще слишком мала, чтобы участвовать в представлениях. Диана лишь начинала путь артистки, но уже сейчас, когда она едва приступила к учебе, можно было смело предположить, что карьера этой юной циркачки сложится великолепно. Она – единственная из всех львов – постоянно хотела выполнять трюки. Как только Артем поднимал хлыст, намереваясь ударить по манежу и выкрикнуть чью-то кличку, Диана спрыгивала со своей тумбы и торопилась выбежать на середину арены, чтобы исполнить то небольшое, что уже успела освоить: кульбиты – львица укладывалась на спину и перекатывалась с одного бока на другой – и «офф» – присаживалась на задние лапы, а передние поднимала высоко вверх. Сначала дрессировщик объяснял такое поведение зверя обычной ревностью к другим животным, которая, вероятно, должна заменить в сознании Дианы постоянное соперничество с Анюткой. Это казалось естественной причиной, побуждающей львенка проявлять усердие и ежеминутно привлекать к себе внимание Артема. Еще одним поводом для этих внеочередных экзерсисов могло стать желание хитрюги получить большую порцию лакомства. Умный львенок быстро смекнул, что поощрения за выполнение команд дрессировщика бывают съедобными. Артем считал, что других причин внезапного непослушания Дианы не

существует, и старался не обращать особого внимания на плутовство любимицы. Он всякий раз терпеливо возвращал ее на место, приказывая сидеть на тумбе и ждать. Львица безропотно подчинялась, но через какое-то время все повторялось.

Дрессировщик уже начал подумывать о том, что, видимо, придется применить к Диане более строгие методы воспитания: пристегивать к тумбе, чтобы она не могла шелохнуться без позволения, или уводить с арены, как провинившуюся. Но однажды, совершенно неожиданно, ему открылись истинные мотивы такого поведения артистки. Диана, как обычно, выбежала на середину манежа без приглашения и выполнила несколько пока далеких от совершенства кульбитов.

– Иди на место, Ди! – устало сказал Артем, которому уже порядком надоела эта ежедневная церемония.

Но львица, вопреки обыкновению, не послушалась. Она потерянно стояла на арене и с каким-то несчастным, разочарованным видом озиралась по сторонам.

– Диана! Иди, я сказал! – Артем даже повысил голос, демонстрируя крайнюю степень недовольства.

Маленькая упрямица продолжала стоять на месте, даже не поворачивая головы в сторону дрессировщика.

– Что? Опять балует? – окликнул Артема вышедший из-за кулис шпрыхсталмейстер.

– Опять.

– Ну, молодец, Диана! Ну, артистка будет! – восхищенно проговорил ведущий представлений и захлопал в ладоши.

Львица немедленно повернулась к нему, внимательно посмотрела и не спеша направилась к своей тумбе. И в это мгновение Артем сообразил, что отнюдь не ревность и вовсе даже не желание получить дополнительное лакомство подстегивали Диану к постоянной демонстрации своих способностей. В цирке всегда находились желающие понаблюдать за репетицией хищников. Артисты, как правило, стараются поддерживать друг друга, а появление нового коллеги, тем более такого дружелюбного, общительного и симпатичного, как Диана, обычно вызвало всеобщее оживление и интерес. Работники цирка с удовольствием приходили посмотреть на первые успехи своей любимицы и неизменно награждали ее аплодисментами. Каждый раз после нескольких очень простых прыжков и кувырков раздавались довольные возгласы и хлопки восторженных почитателей еще не до конца раскрытого таланта юной циркачки. Именно этих знаков внимания и ждала Диана, ни за что не желая покидать арену, не получив свою порцию славы. Артем легко проверил догадку, попросив товарищей на какое-то время воздержаться от аплодисментов. Уже через неделю Диана не только перестала слезать со своей тумбы вне очереди, но и покидала ее даже по команде дрессировщика весьма неохотно. Как только Артем разрешил поклонникам львицы снова проявлять эмоции в полную силу, все тут же вернулось на круги своя.

Теперь стало совершенно очевидно: среди питомцев Артема появилась настоящая актриса, которая, как человек, нуждается во взаимодействии со зрительным залом и мечтает о признании своего таланта. Диана все еще была мала и не совсем готова к настоящей работе с публикой, но Артем часто приходил к ней, отыграв номер, и видел, как она беспокоится, когда слышит громкий гул аплодисментов, предназначенных вовсе не ей. Диана хотела выступать. Диана мечтала о славе. Она будто понимала, что для достижения своей цели нужно много работать. Она отличалась от других львов, ленивых по своей природе, с удовольствием выполняла команды и никогда не огрызалась, если Артем просил ее повторять какое-то движение много раз подряд.

За два года, что львица провела в репетициях, она научилась многому: кульбиты отточены, кувырки можно демонстрировать на соревнованиях по спортивной гимнастике. Диана начала выполнять и взрослые трюки: грациозно вальсировала в обнимку с Артемом, прыгала

с тумбы на тумбу, легко ориентировалась в командах «ко мне», «сидеть» и «лежать». Львица изменилась и внешне: из маленькой, симпатичной озорницы превратилась в юную, грациозную барышню, знающую себе цену. Артем с волнением ожидал первого выхода на манеж своей воспитанницы. Он знал, что все, что от нее потребуется в первый раз: выйти, немного посидеть на тумбе и удалиться (приучать к работе с большим залом тоже необходимо постепенно). Дрессировщик знал, что Диана не подведет, и все равно не мог оставаться спокойным. И вот тот памятный день настал...

– Настанет в этом доме когда-нибудь покой или нет? – яростно барабанит в дверь Артема соседка, и тот впервые жалеет о том, что вместо льва теперь с ним живет уже старая, великолепно воспитанная собака, которая никогда не позволит себе броситься на беззащитного человека.

– А знаешь, Марта, – делится он своими мыслями, – иногда не мешало бы и отступить от своих принципов. У всякого правила есть исключения, и одно из них сейчас портит нам жизнь.

10

Женя возвращалась домой от родителей, механически вращая руль и выполняя маневры. Ей с трудом удавалось концентрировать хотя бы крупинцы внимания на дороге. На самом деле она была далека и от Каширского шоссе, и от Москвы, и вообще от России, и даже от своего дельфинария, в который впервые за несколько лет даже не удосужилась позвонить, чтобы поинтересоваться состоянием дел вообще и прошедшими представлениями в частности. Женя размышляла о том, почему ей – как-никак дипломированному психологу – редко удается выстраивать такие отношения с людьми, которые удовлетворяли бы, в первую очередь, ее саму.

Может быть, мама права, и ей не стоило углубляться в зоопсихологию? Во всяком случае, до тех пор, пока она не разобралась до конца, что из себя представляют интересующие ее *homo sapiens*? Нет, это не так. Каждый человек должен заниматься своим делом, а животные – ее настоящее призвание. И неприятие этого, непонимание – это не Женина проблема, а проблема того, кто не может понять. Но если это соответствует истинному положению вещей, тогда почему Женю так беспокоит чужая проблема? Может быть, потому, что этим чужим является родная мать? Может быть, оттого, что хорошие родители в ее понимании всегда и во всем поддерживают начинания собственного ребенка и хотят, чтобы он получал удовлетворение от своей профессии? Но Женя никогда не считала маму ни плохой, ни тем более чужой. Скорее наоборот, та слишком близко принимала к сердцу все происходящее со своими детьми. И ей постоянно казалось, что, свернув с пути, нарисованного ею для них в воображении, они непременно испортят себе жизнь.

Упорной, одаренной и, конечно же, очень умненькой Жене (все-таки попасть на психологический факультет МГУ, не обладая большим количеством связей и денег, способен далеко не каждый) прочились великолепные перспективы. Блестящим будущим в представлении мамы было последовательное написание нескольких научных трудов, получение степеней и престижной работы в ведущих клиниках. Если бы в конце восьмидесятых она знала заранее о переменах, грядущих в государстве, о наступлении на страну эры рыночной экономики и больших возможностей, она бы наверняка начала мечтать об отдельном кабинете, а еще лучше – о настоящей частной консультации с персоналом в белых халатах, которые бы идеально соответствовали общему антуражу клиники, и в особенности тем роскошным диванам, которые в своих фантазиях она бы расставила по коридорам учреждения. Женя почему-то не сомневалась, что диваны эти должны быть абсолютной копией того кричащего ужаса, что стоит сейчас в гостиной родителей.

К тому моменту, когда Женя стала студенткой университета, мама расписала ее жизнь на годы вперед. Повышенная стипендия, зачетка, пестревшая исключительно записями «отлично», дифирамбы научного руководителя и увлеченность самой девушки – все это позволяло надеяться на то, что ничто не помешает исполнению радужных планов. Однако Женя была не просто примерной, амбициозной девочкой – она была личностью, амбиции которой, в первую очередь, распространялись на те цели, которых хотела добиться она. Нет, научные степени и престижная работа вовсе не казались ей непривлекательными, она и сама стремилась именно к такому конечному результату, который бы оправдал те силы, что она вкладывала в образование. Будущее виделось вполне определенным и обыденно, ужасающе неотвратимым: диплом, карьера, работа, какая-то неожиданная встреча, любовь-морковь, пара симпатичных ребятишек от любимого мужа и бриар, лежащий в коридоре на коврик у двери небольшой уютной квартирki. Перспективы представлялись достаточно продуманными, и в переменах не нуждались до тех пор, пока на четвертом курсе она не набрела на лабораторию зоопсихологии и не обнаружила, что собака, один вид которой в Атласе пород собак произвел на нее когда-то неизгладимое впечатление, может не просто стать членом ее семьи в каком-то необозримом

будущем, но и великолепным материалом для исследований в весьма осязаемом настоящем. Женя и сама не могла объяснить, почему то, что творится в черепной коробке собак, заинтересовало ее гораздо больше, чем особенности головного мозга человека, но с момента смены специализации она уже не представляла себя сидящей в кабинете с фонендоскопом на шее и ожидающей очередного пациента, которого придется спасти от галлюцинаций, депрессии, навязчивых идей или, того хуже, – маниакального психоза.

У родителей увлеченность дочери психологией животных вообще и собак в частности сначала протестов не вызвала. В конце концов, не так уж много людей посвящают свою жизнь доскональному изучению той проблемы, что являлась когда-то предметом научных исследований в дипломной работе. Конечно, Женя училась на отделении общей психологии, и для того чтобы стать впоследствии практикующим врачом или хотя бы работать в лечебном учреждении, необходимо изрядно потрудиться. Но, с другой стороны, если для студентов клинического отделения дорога была одна, то перед Женей открывалось множество путей профессионального развития, и ее детская страсть к собакам вовсе не означала, что свою дальнейшую судьбу она решит связать исключительно с животными. Так считала ее мама. Но она ошибалась. И ошибается до сих пор, потому что так и не хочет признать, что выбор, сделанный Женей, – правильный.

– Хорошо, – говорила мама, когда решение о поездке в Дижон стало окончательным, – поедешь, поучишься. В конце концов, получишь степень там, да и язык выйдет на другой уровень, – и непонятно, кого она хотела убедить в оправданности этой поездки: Женю, которая не нуждалась в убеждениях, или все-таки саму себя.

Тогда маме пришлось смириться с тем, что «Поведение бриара как породистой племенной собаки: интерпретация стандарта» – тема, интересующая не только ее дочь, но и еще нескольких «ненормальных» ученых из далекого Дижонского университета. Женя была настолько окрылена предстоящей поездкой и так привыкла к тому, что ее увлечение мама воспринимает исключительно как временную глупость, что не стала переубеждать ее, что таких «ненормальных» на свете гораздо больше, чем несколько. А между тем она могла бы рассказать о существовании настоящего «Евробриарсоюза», членами которого являются не просто заводчики или клубы, а целые государства. Но кому это было интересно тогда? Наверное, тем, кто ждал ее в Дижоне. А кому это интересно сейчас? О бриарах уже начала забывать и сама Женя. Теперь эта пастушья собака представляется ей так же, как на первых курсах университета: лежащей на коврик у двери. В реальности все атрибуты для этого есть: маленькая, уютная квартира, дверь и даже коврик возле нее. Нет только собаки. Женя слишком ответственна для того, чтобы сделать какого-нибудь щенка несчастным и одиноким, заставив его скулить и страдать в бесконечном ожидании чрезмерно занятой хозяйки.

Это раньше, лежа в комнате французского общежития, она могла грезить о том, что когда-нибудь будет встречаться с бриарами не только в собаководческих клубах, специализированных питомниках или на выставках, но и в собственном доме. Как давно это было. Кажется, в другой жизни. Тогда, в девяносто втором, Жене казалось, что Дижон – прекрасная ступенька к достижению всего, о чем она мечтала. В реальности этот город действительно стал частью той лестницы, что называется человеческой судьбой, только ступенька, на которой он стоял, вела вовсе не вверх, а вниз.

Дижон... Женя по-прежнему любила его. Если и существует на свете любовь с первого взгляда – то это чувство определенно похоже на то, что испытала она тогда, сойдя на перрон с парижского поезда. Ей понравилось все и сразу: и провинциальная, неспешная суета вокзала, совершенно не похожая на столичную толчею, и упоительный запах круассанов, моментально взволновавший вкусовые рецепторы, и таксист, подхвативший ее чемодан и пробормотавший скороговоркой ласкающее ухо: «Bon jour, mademoiselle!», и большие площади, и маленькие, узкие улочки, по которым петляла машина, и аккуратные домики с черепичными крышами, и

милая, хрупкая француженка, распахнувшая перед ней дверь в комнату общежития и провозгласившая с доброжелательной улыбкой: «Voilà!», и вид из окна. Впоследствии панорама уютного зеленого, цветущего дворика с каменным фонтаном и резными скамейками часто помогала Жене найти нужное решение, когда начинало казаться, что ее труды зашли в тупик, что в исследовании отсутствует логика, да и сам материал в действительности не волнует никого, кроме нее. Естественно, она была не права. Эти волнения неувидительны и рано или поздно настигают всех увлеченных людей, но тогда слишком молодая девушка еще не понимала этого. Она просто смотрела на бегущие струи фонтана, на дижонцев – пожилых, чинно сидящих с газетами на лавочках, и молодых, развалившихся на траве с книжками в руках. Она наблюдала за гонящими голубей детьми, за их мамами, что-то кричащими непослушным чадам, – и сумбурные мысли сами собой неожиданно выстраивались в правильном порядке, и удовлетворение работой, покинувшее ее на какие-то мгновения, вновь возвращалось.

Женя любила не только этот уютный дворик, соседствующий с общежитием университета, она прониклась волшебной аурой всего города. Не было для нее лучшего развлечения, чем прогулка по старой улице Форж с ее многочисленными жилыми домами, построенными еще в семнадцатом веке. По воскресеньям Женя часто бродила по узким, петляющим улочкам, заходила на Соборную площадь, ждала, когда человеческая фигурка на колокольных часах чугунным молоточком отобьет очередной час, и шла дальше к блошиному рынку, напоминающему китайскую барахолку, к причудливому дому с оригинальными каменными зонтиками, выступающими из фасада, чтобы загородить от солнца пентхаус, к известному собору Сен-Бенинь, к впечатляющей стене древнего бенедиктинского монастыря. Девушке нравилось все: и музеи, и церкви, и ресторанчики с упоительными запахами, и оживленные улицы, и тихие уголки неприметных дворов, и бургундское вино, что наливали в традиционном кафе «У ветряной мельницы», и карусель на площади Франсуа Рюда, и, конечно, университет.

Университет... Начиная с большого каменного постамента у входа на главную аллею, на котором по-французски выбита надпись «Университет Бургундии», и заканчивая самым обычным стулом в аудитории, – все здесь пришлось Жене по вкусу. Самыми главными были, конечно, люди. Девушка с удовольствием наблюдала, как учатся французские студенты. После пяти лет, проведенных в московском университете, где в конце концов заработав репутацию и сдав несколько первых сессий, можно было позволить себе и прогул, и пивко теплым весенним денечком у памятника Ломоносову, что возле ИСААФ, усердие, с которым относились французы к занятиям, не могло не поразить. Здесь, в Дижоне, оказалось невозможно семестр предаваться безделью, а потом, просидев пару недель в читальном зале, сдать сессию. Французские студенты постоянно писали какие-то работы, делали доклады и готовились к семинарам. Никто из них не пришел в университет с целью обзавестись друзьями. Обучение проходило в условиях постоянной, жесткой конкуренции. Если в России всегда можно было рассчитывать на подсказки и шпаргалки товарищей, опасаясь страшного вопроса экзаменатора, то во Франции преподавателей не боялись. Самыми строгими судьями слыли сами студенты, всегда стремящиеся задать друг другу вопросы посложнее и непременно «завалить» какого-нибудь особо одаренного коллегу. Впоследствии Женя осознала, что пребывать в условиях равенства и братства не так уж плохо, а жизнь в условиях, где каждый сам за себя, больше похожа на выживание.

Произвели впечатление на Женю и профессора: они никогда не заставляли своих подопечных учиться. Они воспринимали возможность получать знания как высшую из всех существующих благодатей. Человека, желающего от нее отказаться, считали заблудшей овцой, но не пытались переубедить и вернуть на путь истинный. Учеба – дело добровольное, но требующее усилий, и если ты не проявил должного рвения, не посещал занятий и не подготовился к экзаменам, никто не будет натягивать тебе оценок и давать вторых шансов, тем более никто не станет учить тебя уму-разуму, тратить свои нервы и напрягать голосовые связки, чтобы показать,

как ты не прав. Жене такое отношение наставников казалось странным, диковинным, а оттого и интересным, и заслуживающим положительной оценки. Тогда такой подход к лентяям и халтурщикам казался ей единственно правильным. «Возможно, они занимают чье-то место», – считала она и была не так уж не права. Но все же потом Женя осознала, что существовать там, где за тебя ратуют и переживают, гораздо приятнее, выгоднее и, наверное, намного легче, чем там, где никому, в сущности, нет до тебя никакого дела.

Но это все будет потом, через много лет, когда на смену жадному юношескому пылу постигать и безоглядно принимать все неожиданное и неизвестное придут умеренный консерватизм и понимание того, что подчас старые, уже изрядно надоевшие привычки, обстоятельства, люди оказываются гораздо милее, чем новые. А в свои двадцать три года только что выпущенная из-под родительского крыла Женя упивалась свободой, которую щедро дарил ей Дижон. Впервые никто не рисовал ей никаких планов, не говорил, куда идти, что делать, чем любоваться, и не указывал, с кем общаться, а кого игнорировать.

Может быть, именно из-за того, что теперь не требовалось материнского одобрения для того, чтобы проводить время с симпатичными ей людьми, компания, ставшая ее ближайшим французским окружением, оказалась весьма разношерстной. В лаборатории, где Женя проводила основное время, работая над собранным материалом для своих исследований, трудились такие же одержимые своими идеями ученые, как она. И если вдруг девушка забывалась и начинала превозносить при коллегах своих обожаемых бриаров, ее, как правило, перебивали и принимались торопливо восхвалять бульдогов, кротов, муравьев или морских свинок – в общем, ту самую живность, что занимала умы остальных членов коллектива. Кроме того, все эти люди были гораздо старше Жени и если и не являлись коренными дижонцами, то жили здесь настолько давно, что успели обрасти кто супругами, кто еще и потомством, а кто – такими способами проведения досуга, которые Женю совершенно не привлекали. У нее не было никакого желания вступать в ряды местных любителей бисероплетения, посещать кружок современного бального танца или тратить выходные на мучительное преодоление горных перевалов, волоча за плечами тридцатикилограммовый рюкзак. В общем, с коллегами девушка могла только обменяться любезностями, выпить чашку кофе в перерыве между опытами и поспорить на тему актуальности изучаемой проблемы, но не более того.

А Жене хотелось близости, родства душ, общих интересов и той милой, легкой бесшабашности, что свойственна преимущественно молодости. Ей необходимы были ровесники, с которыми можно разделить то ощущение восторга и упоения, что переполняло ее от жизни в Дижоне. Она любила бесцельно бродить и по буднично оживленному, и по притихшему, будто вымершему на выходные городу, и на таких прогулках ее всегда с удовольствием сопровождала пара аспирантов из Германии. Эти симпатичные ребята – Клаус и Эрик – со свойственной большинству немцев дотошностью и пунктуальностью каждый раз предлагали Жене новые интересные маршруты для променадов, а поскольку были они будущими архитекторами, такое времяпрепровождение оборачивалось для их спутницы не только увлекательным приключением, но и весьма познавательным мероприятием.

Женя обожала заглядывать в недорогие магазинчики одежды, чтобы перемерить все понравившиеся платья и выйти оттуда через несколько часов окрыленной, прижимая к груди вожделенную маечку, наконец-то уцененную с двадцати до пятнадцати франков. Верной спутницей Жени в этих набегах стала веселая темнокожая бразильянка Кора. Чем конкретно занималась она в университете, казалось совершенно недоступным для понимания. Из обрывков ее незатейливых воспоминаний можно было сделать вывод о том, что жизнь ее в этом храме науки оказалась весьма насыщенной, занимательной и разнообразной. Когда-то она приехала в Дижон, намереваясь посвятить свое будущее дизайну, и целый семестр потратила на изучение текстиля, потом два года числилась на философском факультете, не имея при этом ни малейшего представления о том, чем материализм отличается от экзистенциализма. Какое-то время

Кора провела в академическом отпуске, путешествуя по Европе с отцом одного из своих однокурсников, а затем в течение года изучала искусствоведение и теперь умела отличать полотна Пикассо от работ остальных не менее великих художников. Чем занималась бразильянка сейчас, кроме того что делила постель с долговязым соседом Жени по этажу, датчанином Ульриком, оставалось для самой Жени совершенно непостижимым, но она и не старалась понять. Профессиональные пристрастия Кору не несли в себе никакой важности, значительным представлялось только то, что никто другой, кроме нее, не мог так же открыто, от души порадоваться только что приобретенной грошовой вещице, лишнему съеденному куску восхитительного жирного шоколадного торта, ухоженной, благоухающей ароматами весны и любви клумбе на площади Дарси и очаровательному, умиротворяющему виду из окна Жениной комнаты.

Жене нравилось проводить время с Корой, ее датчанином и парой немцев в бестолковой, пустой, ни к чему не обязывающей болтовне. С ними она отдыхала, с ними время летело быстро, с ними дом не казался таким далеким, а Дижон представлялся бесконечно родным. Но Женя приехала во Францию вовсе не для того, чтобы развлекаться. Девушка много трудилась, и ей, как воздух, необходим был кто-то, кто мог оценить ее работу, подтвердить ее исключительную ценность, новизну и важность для современного общества и будущих поколений.

Таким человеком оказалась энергичная тридцатилетняя француженка Сессиль – председатель местного – дижонского – клуба собаководов. Она, следуя просьбе, изложенной в письме из университета, которое Женя принесла с собой на их первую встречу, не только выполнила свои прямые обязанности: снабдила девушку адресами бургундских заводчиков бриаров и позвонила каждому из них, чтобы договориться об интервью и убедить их уделить внимание русской девушке, подробно отвечая на все ее вопросы, – но и сама прониклась к новой знакомой неподдельной симпатией и уважением. Сессиль стала той самой отдушиной, которая помогала Жене не лишиться уверенности в том, что изучение поведенческих характеристик бриаров – именно тот необходимый человечеству научный опыт, который ей предназначено привнести в этот мир. Юркая, быстрая, энергичная француженка, всегда озабоченная целым ворохом проблем, умела неожиданно остановиться, замереть и бесконечно долго слушать, не торопя и не перебивая, вникая во все детали, Женины рассуждения о пользе поведенческих тестов для бриар-клубов, об общих и частных оценочных критериях, о популяризации породы среди заводчиков. Но самым главным было то, что Сессиль полностью поддерживала мнение Жени о том, что ее обожаемые бриары – лучшие создания на земле.

Владельцы питомников, с которыми председатель клуба познакомила девушку, бесспорно, любили своих собак, но вовсе не смотрели на них сквозь розовые очки.

– Вот этот дурень – форменный брак. Толку от него никакого, – показал Жене один из заводчиков на симпатягу, который громко залаял и поджал хвост, как только они зашли в загон.

– Почему? – Девушке пес показался очень милым, несмотря на проявленную агрессивность.

– Трус, – коротко констатировал француз. – Бриар должен быть респектабельным, храбрым, совершенно не пугливым. А это что? Теперь даже и не повязать. Ну какие гены он передаст потомству? И что с ним теперь делать?

– Отдайте тем, кто не собирается заниматься разведением.

– Да кому он нужен – двухлетний остолоп?! Я все пытался характер воспитывать, но без толку. Собаки – они ведь как люди: каждая рождается с какой-то своей особенностью, которую можно, конечно, слегка подкорректировать, но так, чтобы полностью искоренить – увы, – мужчина беспомощно развел руками, а Жене почему-то стало жалко этого трусливого пса, поневоле разочаровавшего хозяина.

Девушка пытливо изучала стандарт породы и кропотливо исследовала все недостатки, которые не позволяли тому или иному представителю бриаров заслужить оценку «отлично». Но то, что кропотливо собирал и изучал ее ум, вовсе не мешало сердцу проникаться симпа-

тией ко всем без исключения французским овчаркам. И эту поразительную увлеченность Жени полностью разделяла Сессиль. Именно поэтому, когда с момента пребывания Жени в Дижоне прошло девять месяцев и она собиралась отправиться на каникулы в Москву, предложение Сессиль поехать вместе в Бьяриц, потому что там проводится очередная конференция членов Евробриарсоюза, пенится океан и светит солнце, заставило Женю задержаться во Франции.

Через несколько дней после приезда на побережье Атлантики Женя стала воспринимать это приглашение подруги как подарок судьбы, а через несколько лет переименовала его не во что иное, как в злой рок. Но тогда, в самое первое утро двухнедельного отдыха, она просто валялась на лежаке под зонтиком и рассуждала о том, что жизнь была бы еще прекраснее, если бы тот долговязый детина, стоящий у кромки воды, наконец сдвинулся с места и позволил ей снова любоваться парой чаек, застывших на валуне в сотне метров от пляжа.

– Эй, – в конце концов недовольно окликнула она его, – не могли бы вы отойти немного вправо или влево?

Молодой человек даже не соизволил повернуть голову.

«Хам!» – подумала Женя и решительно поднялась с места. Подойдя вплотную к обидчику, она, пытаясь сохранить вежливость, повторила вопрос. Теперь мужчина удивленно посмотрел на нее и огорченно развел руками:

– Sorry?

«Вот оно что. Иностранец». В отличие от незнакомца, у Жени проблем с языками не было. Конечно, после месяцев, проведенных в Дижоне, французский стал на порядок выше английского, но все же знание языка Шекспира позволяли ей объясняться на бытовом уровне без видимых трудностей. Она мысленно подобрала слова и составила безобидную фразу, что заставила бы молодого человека отойти на несколько метров, и даже подняла руку, намереваясь указать на чаек, но неожиданно передумала. Глядя, как он растерянно и вместе с тем внимательно смотрит на нее, она протянула свою поднятую кисть ему и сказала:

– Джейн.

Он не удивился, скорее обрадовался, сжал ее руку своими ладонями и приветливо ответил:

– Майк.

– Байк! Мой байк! – вопит Жене в приоткрытое окно автомобиля какой-то мальчишка лет пятнадцати. – Ты че, тетя, белены объелась?! Совсем не соображаешь, куда едешь?!

Женя потерянно смотрит в лобовое стекло. Так и есть. Она настолько удалилась от реальности, что, паркуясь, задела велосипед бедолаги. Профессиональным взглядом начальника она мгновенно оценивает нанесенный ущерб: разбитый фонарь, слегка погнутая передняя рама, испорченная камера. Женя быстро достает из кошелька несколько банкнот, отдает возмущенному юноше:

– Этого хватит?

Гнев всплывшего велосипедиста тут же гаснет:

– Ладно. Чего там, тут и на моральный ущерб с лихвой. Нет проблем.

– Если бы нет, – вздыхает женщина, глядя, как юноша увозит свое изувеченное сокровище, – если бы нет, – повторяет она и, прежде чем выйти из машины, еще долго сидит, глядя в пустоту потухшими, словно неживыми глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.